Преп. Исаак Сирин
Свят. Феофан Затворник
Архиепископ Нафанаил (Львов)
Епископ Александр Милеант
Архимандрит Сергий (Савельев)
Священник Артемий Владимиров
Священник Андрей Дудченко
Иван Ильин
Александр Иванов

О пользе страданий и лишений

Преподобный Исаак Сирин
Святитель Феофан Затворник
Архиепископ Нафанаил (Львов)
Епископ Александр Милеант
Архимандрит Сергий (Савельев)
Священник Артемий Владимиров
Священник Андрей Дудченко
Иван Ильин
Александр Иванов

О ПОЛЬЗЕ

СТРАДАНИЙ И ЛИШЕНИЙ

Составитель А. Баранов

Москва 2006

По благословению архиепископа Запорожского и Мелитопольского Василия

+А. Василий

Художественное оформление: Владимир Панкратов
Компьютерное макетирование: Юлия Стоянова
Корректура: Марина Васильева

Составитель А. Баранов
Преподобный Исаак Сирин,
Святитель Феофан Затворник,
Архиепископ Нафанаил (Львов), и др.
О пользе страданий и лишений.
– М: ОБРАЗ, 2006. – 128 с.

За всякой телесной отрадой следует страдание, а за всяким страданием ради Бога следует отрада. Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем Едином приобретает себе успокоение. Радость о Боге крепче здешней жизни, и кто нашел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою, и не будет там иного чувства, если действительно была эта радость.

Преподобный Исаак Сирин

СКОРБИ

Значение скорбей в деле спасения

ВОПРОС. Какой бывает вред в шествии к Богу, если кто, по причине искушений, уклоняется от добрых дел?

ОТВЕТ. Невозможно приблизиться к Богу без скорби; без нее и праведность человеческая не сохраняется неизменною. И если человек оставляет дела, приумножающие праведность, то оставляет и дела, охраняющие ее. И делается он подобен не-7охраняемому сокровищу и борцу, с которого совлечены его оружия, когда окружили его полки врагов его, и кораблю, не имеющему снастей своих, и саду, от которого отведен источник воды.

Скорби выше всякой молитвы

Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Господом скорби за Него и ради Него, и паче всех благоуханий — запах пота их. Всякую добродетель, совершаемую без телесного труда, почитай бездумным выкидышем. Приношение праведных — слезы очей их, и приятная Богу жертва — воздыхания их во время бдения. Воззовут ко Господу праведные, угнетаемые тяжестью тела, и с болезнованием будут воссылать моления к Богу, и на вопль гла-

са их приидут на помощь к ним святые Чины — ободрить и утешить их надеждою, потому что святые ангелы, приближаясь к святым мужам, являются соучастниками их страданий и скорбей.

(Слово 58, стр. 316—317).

Готовность к скорбям в простоте сердца и без страха

Блаженны те, которые ради любви к Богу препоясали, для моря скорбей, чресла свои простотою и непытливым нравом и не обращают тыла. Они скоро спасаются в пристань царствия, упокоеваются в селениях добре потрудившихся, утешаются от злострадания своего и преисполняются веселием своего упования. С надеждою вступающие на путь стропотный (трудный, жесткий) — не возвращаются назад и не останавливаются, чтобы входить в исследование о сем. Но, когда переплывут море, тогда, взирая на стропотность пути, приносят благодарение Богу, что избавил их от теснот, стремнин и от такой негладкости в пути, тогда как они и не знали сего. А из тех, которые составляют много умствований, желают быть очень мудрыми, предаются замедлениям и боязливым помыслам, приуготовляют себя и хотят предусматривать вредоносные причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверях своего дома.

Ленивый, посланный в путь, скажет: «лев на стезях, на путях же разбойницы (Притч. 22,14), подобно тем, которые говорили: сынов исполинов «тамо видехом и бехом пред ними, яко прузи» (Числ. 13,34).

Это те, которые во время кончины своей оказываются еще в пути: желают всегда быть мудрыми, а отнюдь не хотят положить и начала. А невежда, пускаясь в плавание, переплывает с первою горячностию, ни малой не прилагая заботы о теле и не рассуждая сам с собою, будет или нет какой успех от сего труда. Внемли себе, да не будет у тебя избыток мудрости поползновением душе и сетию пред лицом твоим; напротив того, возложив упование на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтобы не оказаться тебе скудным всегда и лишенным Божия ведения. Страшливый, «блюдый ветра не сеет» (Еккл. 11,4). Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдом и леностию.

Скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби

Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби, потому что добровольная скорбь дает доказательство веры любовью, а дело покоя бывает следствием пресыщения сознания (в сирийском тексте: «а дело, совершенное в покое, исходит из пресыщенного настроения» (т.е. от душевной скуки). Поэтому святые, из любви Христовой, показали себя благоискусными в скорбях, а не в покое, потому что совершаемое без труда есть правда людей мирских, которые творят милостыню из внешнего, сами же в себе ничего не приобретают (в сирийском тексте: «... которые стараются оправдаться посредством своего (имущества?), а сами не стремятся к совершенству»).

Святитель Феофан Затворник

О НЕСЕНИИ КРЕСТА

Мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, говорит св. Апостол Павел (Гал. 6, 14). Как это св. Апостол до такого дошел расположения, что ничем другим хвалиться не хотел, кроме креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничижение; как же хвалиться им? И вот однако ж Апостол Павел хвалится им; вместе с ним хвалились конечно и все Апостолы, а за ними и все другие крестоносцы. Почему же это так? Прозрели богомудрые мужи великое значение креста, высоко ценили его и хвалились, что сподобились носить его. Они зрели в нем, вместо тесноты, широту, вместо горести сладость, вместо уничижения величие, вместо бесчестия славу, — и хвалились им, как хвалится иной великолепным каким украшением и отличием.

О, когда бы нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтобы понять и ощутить силу креста и начать хвалиться им!

О значении креста вот краткое общее объяснение: Господь совершил спасение наше крестною смертию своею; на кресте растерзал Он рукописание грехов наших; крестом примирил нас Богу и Отцу; чрез крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков крест Господень в нем самом. Каждый же из нас стано-

вится причастным спасительной силы его не иначе, как чрез свой собственный крест. Свой собственный каждого крест, когда соединяется с крестом Христовым, силу и действие сего последнего переносит на нас, становится как бы каналом, чрез который из креста Христова преливается на нас всякое даяние благо и всяк дар совершен. Из этого видно, что собственные каждого кресты в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим крест Христов. И вы не найдете ни одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей-то причине каждый всесторонне обложен крестами, чтоб не затрудняться исканием крестоношения и недалеку быть от спасительной силы креста Христова. Можно сказать так: осмотрись около себя и в себе, усмотри крест свой, понеси его, как следует, соединенно со крестом Христовым, — и будешь спасен.

Хотя и не хотя всякий несет крест свой, и крест большею частию не простой, а сложный, но не всякий смотрит на него чрез крест Христов; не всякий обращает его в устроение спасения своего; не у всякого потому крест бывает спасительным крестом. Пересмотрим все возможные кресты и разберем: как следует нести каждый из них, чтоб он был силою во спасение.

Крестов много, но видов их три: *первый вид* — кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед, и вообще из горькой участи земного пребывания; *второй* — кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотьми ради добродетели; *третий* — кресты духовно-благодатные, воз-

лагаемые совершенною преданностию в волю Божию.

Ныне скажу вам несколько слов о крестах внешних. Это — самые многосложные и разнообразные кресты. Они разбросаны на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся: скорби, беды, несчастия, болезни, потери близких, неудачи на службе, всякого рода лишения и ущербы, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины и вообще доля земная, у всякого больше или меньше нелегкая. — У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет от них ни знатность, ни богатство, ни слава и никакое величие земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земный, и не отступят от него до той, когда отверзется рай небесный.

Хочешь, чтоб сии кресты были тебе во спасение, употреби их по намерению Божию при назначении их в отношении к человеку вообще, и в отношении к тебе в частности. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтоб не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришлец на стране чужой, и искал возвращения в истинное отечество свое. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из рая, и вне рая обложен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтоб помнил, что он не на своем месте, а состоит под наказанием и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Так, видя скорби, несчастия и слезы, не удивляйся и, терпя их, не досадуй. Так следует. Преступнику и ослушнику не к лицу полное благоденствие и счастье. Прими сие к сердцу и благодушно неси долю свою.

Но зачем, — скажешь, — у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключений и раздавать ее. — Да так ведь она и раздается. Присмотрись и увидишь. Тебе ныне тяжело, а другому вчера было, или завтра будет тяжело; ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь, от начала до конца, и увидишь, что всем бывает тяжело, и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же! Прояснится и над тобою небо. В жизни, как в природе, то светлые, то мрачные бывают дни. Бывало ли когда, чтоб грозная туча не проходила? И был ли кто на свете, кто бы так думал? Не думай и ты так о своем горе, и обрадуешь себя упованием.

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони несколько главу твою, и помяни, что есть Господь, отечески о тебе пекущийся и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе, как с Его согласия и воли. Никто, как Он послал его тебе. А Он очень точно знает, что, кому, когда и как послать; и когда посыла-

ет, во благо того самого посылает, кто подлежит горю. Так осмотрись, и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвесть, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать — терпение и верность Господу показать, чтоб на тебе потом показать и славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего конечно идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране своей, как пластырь, — и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог чрез постигшее тебя горе, общее неразмышляющее верование воздвигни в сердце своем, что все от Господа, и что все, идущее от Господа есть во благо нам; и толкуй мятущейся душе: так Богу угодно. Терпи! Кого наказует Он, тот у Него как сын!

Наипаче же останови внимание на твоем нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен, — как конечно и грешен, — то радуйся, что пришел огнь скорби и попалит грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на суде. Воззри на огнь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаему, каких горестей не пожелал бы ты перенесть здесь, чтоб только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтоб каждый день теперь резали и жгли, нежели там неописанному и непрестающему подпасть мучению. Не лучше ли же, чтоб там не испытать сего, теперь и не столь большое нести горе так, чтоб чрез то избавиться

вечного огня? Говори сам себе: по грехам моим посланы мне такие удары, и благодари Господа, что благость Его на покаяние тебя ведет. Затем, вместо бесплодного горевания, распознай, какой есть за тобой грех, покайся и перестань грешить. Когда так расположишься, то конечно скажешь: мало еще мне. По грехам моим и не того стою!

Так, общую ли несешь горькую долю, или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней, как врачевство от грехов, как ключ, отверзающий дверь в царство небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуй и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе, и только горюет, не движась мыслию своею окрест и не возводя сердца своего горе — к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами, как следует, и пропускают время благоприятное и день спасения. Господь в руки подает содевание спасения, а они отвергают его. Постигли беда и горе. Уже несешь крест. Сделай же, чтоб сие нèсение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы преставлять требуется, а малое произвесть изменение в помышлениях ума и расположениях сердца. Возбуди благодарность, смирись под крепкую руку, покайся, исправь жизнь. Если отошла вера в богоправление всем, возврати ее в недро свое, и облобызаешь десницу Божию. Если скрылась связь горя с грехами твоими, изостри око совести и увидишь: оплачешь грех и увла-

жишь сухость горя слезами покаяния. Если забыл, что горькость здешней доли искупает от горчайшей вечной участи, воскреси память о том, и к благодушию придашь желание скорбей, чтоб за малые здешние скорби милость вечную сретить нам от Господа. Много ли и трудно ли все сие? А между тем такие помышления и чувства суть нити, коими крест наш связуется с крестом Христовым и из него истекают спасительные для нас силы. Без них же крест остается на нас и тяготит нас, а спасительности не имеет, будучи разъединен с крестом Христовым. Тогда мы являемся не спасаемыми крестоносцами, и не можем уже хвалиться о кресте Господа нашего Иисуса Христа.

Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодушным, благодарным и покаянным терпением. Тогда ощутим спасительное действие скорбных крестов, и будем радоваться, подвергаясь им, прозревая сквозь них свет славы, и научаться хвалиться ими не будущего только ради, но и настоящего плода от них. Аминь.

Иван Ильин

О СТРАДАНИИ

Как только ты почувствуешь себя страдающим, телесно или душевно, — вспомни сейчас же, что ты не один страдаешь и что всякое страдание — всякое без исключения — имеет некий высший смысл. И тотчас же придет облегчение.

Ты страдаешь не один, потому что страдает вокруг тебя весь мир. Надо только открыть свое сердце и внимательно присмотреться, и ты увидишь, что приобщен страданию вселенной. Все страдает и мучается — то в беззвучной тишине, скрывая свою боль, замалчивая свою скорбь, преодолевая страдание про себя, то в открытых муках, которых никто и ничто не может утолить... Томясь в любви, вздыхая от неудовлетворенности, стеная в самом наслаждении, влачась в борении, в грусти и тоске, — живет вся земная тварь, начиная с ее первого беспомощного деяния — рождения из материнского лона и кончая ее последним земным деянием, таинственным уходом "на покой". Так страдает и человек вместе со всею остальною тварью — как член мирового организма, как дитя природы. Страданий нам не избежать; в этом наша судьба и с нею мы должны примириться. Естественно желать, чтобы они были не слишком велики. Но надо учиться страдать достойно и одухотворенно. В этом великая тайна жизни; в этом — искусство земного бытия.

Наше страдание возникает из свойственного нам, людям, способа жизни, который дан нам раз навсегда и которого мы изменить не можем. Как только в нас просыпается самосознание, мы убеждаемся в нашей самостоятельности и беспомощности. Человек есть творение, призванное к "бытию в себе", к самодеятельности и самоподдержанию; и в то же время он служит всей природе как бы пассивным средством или "проходным двором". С одной стороны, природа печется о нем как о своем детище, растит его, строит, присутствует в нем, наслаждается им, как существом, единственным в своем роде; а с другой стороны, она населяет его такими противоположностями, она развертывает в нем такой хаос, она предается в нем таким болезням, как если бы она не знала ни целесообразности, ни пощады. Так, я призван и предопределен к самостоятельному действию; но горе мне, если я уверую в свою полную самостоятельность и попробую предаться ей до конца... Я свободный дух; но этот свободный дух всю жизнь остается подчиненным всем необходимостям природы и ограниченным всеми невозможностями естества... Во мне живет некая обобщающая сила сознания, охватывающая миры и разверзающая мне необъятные духовные горизонты; но эта сила всю свою жизнь замурована в стенах своего единичного тела, она слабеет от голода, изнемогает в переутомлении и иссякает при бессоннице... Я обособлен от других людей, замкнут в своей душе и в своем теле и обречен вести одинокую жизнь, ибо никто не может ни впустить в себя, ни вместить в

своих пределах; и в то же время другие люди терзают мне душу и могут растерзать мое тело, как если бы я был их игрушкой или рабом... Таков я; таковы мы все, каждый из нас в отдельности — однодневные цветы, распустившиеся для страдания, мгновенные и беззащитные вспышки вселенского огня...

Жизнь ваша, смертные, сколь тленный дар богов:
Цветете миг один, живые исполины...
(Илличевский).

Да и все ли "цветем"? Мы, вечные "пациенты" природы, покорные "приемники" мировых волн, чувствительнейшие органы сверхприроды... Что-то царственное и рабствующее; нечто от Бога и кое-что от червя (Державин). Так много. И так мало. Свободные — и связанные. Цель мира — и жертва вселенной. Порабощенные ангелы. Создания божественного художества, отданные бактериям в пищу и чающие могильного тлена...

Вот почему нас так часто и так легко настигает страдание; вот почему мы должны примириться с ним. Чем утонченнее человек, чем чувствительнее его сердце, чем отзывчивее его совесть, чем сильнее его творческое воображение, чем впечатлительнее его наблюдательность, чем глубже его дух, — тем более он обречен страданию, тем чаще его будут посещать в жизни боль, грусть и горечь. Но мы часто забываем об этом, мы не думаем о нашей общей судьбе и совсем не постигаем, что лучшие люди страдают больше всех... И

когда на нас самих изливается поток лишений, муки, скорби и уныния, когда, как ныне, весь мир погружается в страдание и содрогается во всех своих сочленениях, вздыхая, стеная и взывая о помощи, мы пугаемся, изумляемся и протестуем, считая все это "неожиданным", "незаслуженным" и "бессмысленным"...

Только медленно и постепенно догадываемся мы, что все мы, люди, подчинены этому закону земной твари. Сначала в нас просыпается смутное ощущение, глухое предчувствие того, что на земле гораздо больше страдания, чем нам казалось в нашем детском чаянии. Это предчувствие тревожит нас; мы пытаемся проверить наше ощущение — и постепенно, путями неописуемыми, в почти не поддающихся оформлению интуициях, мы убеждаемся в том, что нам действительно открылся закон существования, общий способ жизни, владеющий всей земной тварью, что нет бытия без страдания, что всякое земное создание по самому естеству своему призвано страдать и обречено скорби. А человек с нежным сердцем знает не только это: он знает еще, что мы не только страдаем все вместе и сообща, но что мы все еще мучаем друг друга — то нечаянно, то нарочно, то в беспечности, то от жестокости, то страстью, то холодом, то в роковом скрещении жизненных путей... И может быть, именно Достоевский, этот мастер терзающего сердца, был призван пролить свет на эту земную трагедию...

Такова жизнь, такова действительность... И мог-

ло ли бы это быть иначе?.. И были ли бы мы правы, если бы стали желать и требовать иного?..

Представим себе на миг иную, обратную картину мира. Вообразим, что земная тварь освобождена от всякого страдания, до конца и навсегда; что некий могучий голос сказал ей: "Делай, тварь, все, что хочешь. Ты свободна от страдания. Отныне ты не будешь знать неудовлетворения. Никакая телесная боль не поразит тебя. Ни грусть, ни тоска, ни душевное раздвоение тебя не посетят. Духовная тревога не коснется твоей души. Отныне ты приговорена к вечному и всестороннему довольству. Иди и живи".

Тогда началась бы новая, небывалая эпоха в истории человечества...

Вообразим, что человек потерял навсегда дар страдания. Ничто не угрожает ему неудовлетворенностью: одновременно с голодом и жаждою, этими первичными источниками труда и страдания, прекратилось и всякое недовольство собою, людьми и миром. Чувство несовершенства угасло навсегда и угасило вместе с собой и волю к совершенству. Самый призрак возможных лишений, доселе ведший человека вперед, отпал. Телесная боль, предупреждавшая человека об опасности для здоровья и будившая его приспособляемость, изобретательность и любознательность, — отнята у него. Все противоестественности оказались огражденными и безнаказанными. Все уродства и мерзости жизни стали безразличными для нового человека. Исчезло моральное негодование, возникавшее прежде от прикосновения к злой

воле. Смолкли навсегда тягостные укоры совести. Прекратилась навсегда духовная жажда, уводившая человека в пустыню, к великому аскезу... Все всем довольны; все всем нравится; все всему предаются — без меры и выбора. Все живут неразборчивым, первобытным сладострастием — даже не страстным, ибо страсть мучительна, даже не интенсивным, ибо интенсивность возможна лишь там, где силы не растрачены, но скопились от воздержания...

Как описать те ужасные, опустошительные последствия, которые обрушились бы на человечество, обреченное на всестороннюю сытость?..

В мире возникла бы новая, отвратительная порода "человекообразных" — порода безразборчивых наслажденцев, пребывающих на самом низком душевном уровне... Это были бы неунывающие лентяи; ничем не заинтересованные безответственные лодыри, без темперамента, без огня, без подъема и без полета; ничего и никого не любящие — ибо любовь есть прежде всего чувство лишенности и голода. Это были бы аморальные, безвкусные идиоты, самодовольные тупицы, развратные Лемуры. Вообразите их недифференцированные, невыразительные лица, эти плоские, низкие лбы, эти мертвые, мелкодонные гляделки вместо бывших глаз и очей, эти бессмысленно чмокающие рты... Слышите их нечленораздельную речь, это безразличное бормотание вечной пресыщенности, этот невеселый смех идиотов? Страшно подумать об этой погибшей духовности, об этой тупой порочности, об этом

унижении ничего-не-вытесняющих полулюдей, которые прокляты Богом и обречены на то, чтобы не ведать страдания...

И когда представляешь себе эту картину, то видишь и чувствуешь, что дарует нам дар страдания; и хочется молить всех небесных и земных врачей, чтобы они ради Господа не лишали людей этого дара. Ибо без страдания — нам всем, и нашему достоинству, и нашему духу, и нашей культуре пришел бы скорый и трагический конец.

Вот что оно нам дарует... Какою глубиною светятся глаза страдающего человека! Как будто бы расступились стены, закрывавшие его дух, и разошлись туманы, застилавшие его сокровенную личность... Как значительно, как тонко и благородно слагаются черты лица у долго и достойно страдавшего человека! Как элементарна, как непривлекательна улыбка, если она совсем не таит в себе хотя бы прошлого страдания! Какая воспитательная и очистительная сила присуща духовно осмысленному страданию! Ибо страдание пробуждает дух человека, ведет его, образует, оформляет, очищает и облагораживает... Духовная дифференциация, отбор лучшего и всяческое совершенствование были бы невозможны на земле без страдания. Из него родится вдохновение. В нем закаляется стойкость, мужество, самообладание и сила характера. Без страдания нет ни истинной любви, ни истинного счастья. И тот, кто хочет научиться свободе, тот должен преодолеть страдание.

И мы хотели бы от этого отречься? И мы согласились бы потерять все это?.. И ради чего?

Гегель сказал однажды, что все великое на земле создано страстью. Еще большее, еще глубочайшее надо сказать о страдании: мы обязаны ему всем — и творчески великим, и творчески малым. Ибо если бы человек не страдал, то он не пробудился бы к творческому созерцанию, к молитве и духовному оформлению. Страдание есть как бы соль жизни; нельзя, чтобы соль утрачивала свою силу. И более того: страдание есть стремящая сила жизни; главный источник человеческого творчества; тонкий и зоркий учитель меры; верный страж и мудрый советник; строгий призыв к облагорожению и совершенствованию; ангел-хранитель, ограждающий человека от пошлости и от снижения. Там, где этот ангел начинает говорить, водворяется благоговейная тишина, ибо он взывает к ответственности и очищению жизни; люди опомнились и обратились; он говорит об отпадении и дисгармонии, об исцелении, просветлении и о доступном нам блаженстве...

Страдающий человек вступает на путь очищения, самоосвобождения и возврата в родное лоно, — знает он о том или не знает. Его влечет в великое лоно гармонии; его душа ищет нового способа жизни, нового созерцания, нового синтеза, созвучия в многозвучии. Он ищет пути, ведущего через катарсис к дивному равновесию, задуманному лично для него Творцом. Его зовет к себе сокровенная, творческая мудрость мира, чтобы овладеть им и исцелить его. Простой народ знает эту истину и выражает ее словами "посещение Божие"... Человек, которому послано страдание,

должен чувствовать себя не "обреченным" и не "проклятым", но "взысканным", "посещенным" и "призванным": ему позволено страдать, дабы очиститься. И все евангельские исцеления свидетельствуют о том с великой ясностью.

Таков смысл всякого страдания. Нерешенной остается лишь судьба самого страдающего человека: достигнет ли он очищения и гармонии в настоящей земной жизни, или же эти дары дадутся ему через утрату его земного телесного облика...

Страдание свидетельствует о расхождении, о диссонансе между страдающим человеком и богосозданной природой: оно выражает это отпадение человека от природы, означая в то же время начало его возвращения и исцеления. Страдание есть таинственное самоцеление человека, его тела и души: это он сам борется за обновление внутреннего строя и лада своей жизни, он работает над своим преобразованием, он ищет "возвращение". Избавление уже началось, оно уже в ходу; и человек должен прислушиваться к этому таинственному процессу, приспособляться к нему, содействовать ему. Можно было бы сказать: "Человек, помоги своему страданию, чтобы оно верно разрешило свою задачу. Ибо оно может прекратиться только тогда, когда оно справится со своей задачей и достигнет своей цели"...

Поэтому мы не должны уклоняться от нашего страдания, спасаясь от него бегством или обманывая себя. Мы должны стать лицом к нему, выслушать его голос, понять и осмыслить его жалобу и пойти ему навстречу. Это значит — принять его,

как естественно и духовно-осмысленное явление. Ибо оно обращается к нам из целесообразности самого мира: то, что в нас страдает, есть, так сказать, сама мировая субстанция, которая стремится творчески восстановить в нас свое жизненное равновесие. И если человек повинуется своему страданию и идет к нему навстречу, то он скоро убеждается в том, что в нем самом раскрываются целые запасы жизненной силы, которые ввязываются в борьбу и стремятся устранить причину страдания.

Вот почему человеку не следует бояться своего страдания. Он должен помнить, что бремя страдания состоит по крайней мере на одну треть, а иногда и на добрую половину из страха перед страданием.

Но не подобает делать человеку и обратное, т.е. нарочно или произвольно вызывать в себе страдание. Не правы те, которые мучают себя, занимаются самобичеванием или оскопляют себя. Они не правы потому, что на них возлагается некая претрудная внутренняя борьба, борьба духа со страстью и вместе с этим душевно-духовное страдание в этой борьбе; а они не хотят принять этой борьбы, перелагают это страдание в материальную плоть, подменяют его телесною болью, заменяют его органическим увечьем. Градусник показывает естественную температуру; ошибочно и нелепо дышать на градусник, изгоняя ртуть кверху или прикладывая к нему кусок льда, чтобы ртуть опустилась. Голод, жажда и любовная тоска, вдохновение и творчество

— должны приходить сами, в силу естества тела, души и духа; возбуждающие, одурманивающие или экстатические яды — противоестественны и фальшивы. Ошибочно противопоставлять природе — искажающий ее произвол. Все хорошее и верное возникает как бы по собственному почину, естественно, гармонически, как говорил Аристотель (...), "через себя самого". Мы призваны творчески жить и творчески любить; спокойно, мужественно и в мудром послушании принимать приближающееся страдание; и — главное — творчески преображать и просветлять страдание, уже настигшее нас. Ибо страдание есть не только плата за исцеление, но призыв к преображению жизни, к просветлению души, оно есть путь, ведущий к совершенствованию, лестница духовного очищения. Человек должен нести свое страдание спокойно и уверенно, ибо в последнем и глубочайшем измерении страдает в нас, с нами и о нас само Божественное начало. И в этом последний и высший смысл нашего страдания, о котором нам говорят евангельские исцеления.

Вот почему страдающий человек не должен терять терпение или тем более отчаиваться. Наоборот, он должен творчески воспринимать и преодолевать свое страдание. Если ему дана телесная боль, то он должен найти органические ошибки своей жизни и попытаться устранить их; и в то же время он должен настолько повысить и углубить свою духовную жизнь, чтобы ее интенсивность и ее горение отвлекли запасы жизненной энергии

от телесной боли. Не следует предаваться телесной боли, пребывать в ней, все время прислушиваться к ней и бояться ее: это означало бы признать ее победу, отдаться ей и превратиться в стенающую тварь. Надо противопоставить плотской боли — духовную сосредоточенность и внимать не телесной муке, а духовным содержаниям. А если кто-нибудь скажет, что он не умеет этого или не может вступить на этот путь, то пусть он крепко помолится об этом умении и об этой силе и попытается идти по этому пути. Нет человека, который умел бы все и знал бы все искусства: а искусство одухотворять страдание есть одно из высших. Конечно, для победы над своей немощью нужна некоторая высшая мощь; но эта высшая мощь может быть вымолена, выработана и приобретена. И каждая попытка, каждое усилие в этом направлении будут вознаграждены сверх чаяния сторицею.

Но если человеку послано душевное страдание, — а оно может быть гораздо тяжелее и мучительнее всякой телесной муки, — то он должен прежде всего не бежать от него, а принять его, т.е. найти в жизни время и досуг для того, чтобы предаться ему. Он должен стать лицом к лицу со своим душевным страданием и приучить себя созерцать его сущность и его причину. Надо научиться свободно и спокойно смотреть в глубь своей страдающей души, с молитвою в сердце и с твердой уверенностью в грядущей победе. Оку духа постепенно откроется первопричина страдания, и эту первопричину надо назвать по име-

ни и выговорить перед собою во внутренних словах, и произнести эти правдивые слова перед лицом Божиим во внутренней очистительной молитве. Чтобы одолеть свою душевную муку, надо прежде всего не бояться ее и никогда не отчаиваться; надо не предаваться ее страхам и капризам, ее своеволию и ее тайным наслаждениям (ибо душевная мука всегда прикрывает собою больные наслаждения инстинкта), надо всегда обращаться к ней творчески, с властным словом зовущего господина; надо всегда говорить с ней от лица духа и научиться прекращать ее приказом, уходом от нее и творческим напряжением; надо рассеивать ее туманы, ее обманы и наваждения и превращать ее силу в радость божественным содержанием жизни. Это путь из тьмы к просветлению и преображению души. Вот почему сокровенный смысл душевного страдания можно было бы сравнить с младенцем, дремлющим во чреве матери и чающим своего рождения; ибо страдание есть не проклятие, а благословение; в нем скрыт некий духовный заряд, зачаток новых постижений и достижений — некое богатство, борющееся за свое осуществление.

Если же человеком овладевает духовное томление, то ему надлежит очистить его в молитве, чтобы оно преобразилось в истинную и чистую мировую скорбь и тем возвело страдающего к Богу: ибо мировая скорбь есть в последнем и глубочайшем измерении — скорбь самого Бога, а скорбь вместе с Ним есть "благое иго" и "легкое бремя" (Мф. 11, 30).

Вот почему апостол Иаков пишет: "Злостраждет ли кто из вас? пусть молится" (Иак. 5, 13). Ибо молитва есть не что иное, как воздыхание духа к Богу, то "неизреченное воздыхание", которым "Сам Дух ходатайствует за нас" (Римл, 8, 26). Молитва есть зов о помощи, направленный к Тому, Кто зовет меня к себе через мое страдание: она становится творческим началом творческого преобразования и просветления моего существа.

Но совершить все это никто не может "за меня" или "вместо меня", страдающего: все это мое личное дело, мое усилие, мой подъем, мой взлет, мое творческое преображение. Другой человек может помочь мне советом. Господь не может не помочь мне дарованием сил и света. Но совершить мое очищение и просветление должен я сам. Вот почему оно требует свободы и без свободы невозможно. Свободное созерцание, свободная любовь, свободная молитва составляют самую сущность этой творческой мистерии, мистерии страдания. И именно этим определяется верный путь, ведущий к истинному счастью на земле.

О ЛИШЕНИЯХ

Когда мне стукнуло восемь лет, бабушка подарила мне на елку красивую тетрадь в синем сафьянном переплете и сказала: "Вот тебе альбом, записывай в него все, что тебе покажется умным и хорошим; и пусть каждый из нас напишет тебе что-нибудь на память"... Вот было разочарование!.. Мне так хотелось оловянных солдатиков, они даже по ночам мне снились... И вдруг — альбом. Какая скучища... Но дедушка взял мою сафьянную тетрадь и написал на первой странице: "Если хочешь счастья, не думай о лишениях; учись обходиться без лишнего"... Да, хорошо ему было говорить: "не думай"... А мне было до слез обидно. Но пришлось помириться...

Я тогда и не заметил, как глубоко меня задел этот постылый жизненный совет, данный мне дедом. Сначала я и слышать о нем не хотел; это была прямая насмешка надо мною и над моими солдатиками. Но позднее... И потом еще много спустя... У меня было так много лишений в жизни... И всегда, когда мне чего-нибудь остро недоставало или когда приходилось терять что-нибудь любимое, я думал о сафьянной тетради и об изречении деда. Я и сейчас называю его "правилом счастья" или "законом оловянного солдата". Кажется, тут замешана и сказка Андерсена: "Стойкий оловянный солдатик": храбрый был малый — прошел через огонь и воду, и даже глазом не моргнул...

А теперь этот закон кажется мне выражением

настоящей жизненной мудрости. Жизнь есть борьба, в которой мы должны побеждать; а победителем становится тот, кто осуществляет благое и справедливое. Конечно, тут являются искушение и опасности; и каждая опасность есть в сущности угроза. Если рассмотреть все эти угрозы, то все они приблизительно одинаковы: они грозят лишениями. Потому, что так называемые "унижения" суть тоже лишения в вопросах независимости, признания со стороны других и жизненного успеха; эти лишения бывают, конечно, наиболее тягостными. Нельзя примириться с утратой истинного достоинства и уважения к себе, но нельзя принимать к сердцу отсутствие успеха у других, а также поношение и клевету. Мы должны уметь обходиться без жизненного "успеха", без "почета" и без так называемой "славы".

И вот, если я буду бояться таких и им подобных лишений, то мне придется отказаться от главного, предметного успеха в жизни и от победы в жизненной борьбе. А если и хочу предметной победы, то я должен пренебрегать лишениями и презирать угрозы. То, что иногда называют "крепкими нервами", есть не что иное, как мужественное отношение к возможным или уже начавшимся лишениям. Все, что мне грозит, и притом часто только грозит и даже не осуществляется, есть своего рода лишение, — лишение в области еды, питья, одежды, тепла, удобства, имущества, здоровья и т. д. И вот человек, поставивший себе серьезную жизненную задачу, имеющий великую цель и желающий предметного успеха и победы,

должен не бояться лишений; мужество перед лишениями и угрозами есть уже половина победы, или как бы выдержанный "экзамен на победу". Тот, кто трепещет за свои удобства и наслаждения, за свое имущество и "спокойствие", тот показывает врагу свое слабое место, он подставляет ему "ахиллесову пяту" и будет скоро ранен в нее: он будет ущемлен, обессилен, связан и порабощен. Ему предстоит жизненный провал...

Всю жизнь нам грозят лишения. Всю жизнь нас беспокоят мысли и заботы о возможных "потерях", "убытках", унижениях и бедности. Но именно в этом и состоит школа жизни: в этом — подготовка к успеху, закал для победы. То, чего требует от нас эта школа, — есть духовное преодоление угроз и лишений. Способность легко переносить заботы и легко обходиться без того, чего не хватает, входит в искусство жизни. Никакие убытки, потери, лишения не должны выводить нас из душевного равновесия. "Не хватает?" — "Пускай себе не хватает. Я обойдусь"... Нельзя терять священное и существенное в жизни: нельзя отказываться от главного, за которое мы ведем борьбу. Но все несущественное, повседневное, все мелочи жизни — не должны нас ослеплять, связывать, обессиливать и порабощать...

Искусство сносить лишения требует от человека двух условий.

Во-первых, у него должна быть в жизни некая высшая, всё определяющая ценность, которую он действительно больше всего любит и которая на самом деле заслуживает этой любви. Это и есть

то, чем он живет и за что он борется; то, что освещает его жизнь и направляет его творческую силу; то, перед чем все остальное бледнеет и отходит на задний план... Это есть священное и освящающее солнце любви, перед лицом которого лишения не тягостны и угрозы не страшны... Именно таков путь всех героев, всех верующих, исповедников и мучеников...

И во-вторых, человеку нужна способность сосредоточивать свое внимание, свою любовь, свою волю и свое воображение — не на том, чего не хватает, чего он "лишен", но на том, что ему дано. Кто постоянно думает о недостающем, тот будет всегда голоден, завистлив и заряжен ненавистью. Вечная мысль об убытках может свести человека с ума или уложить в гроб [Срв. рассказ Чехова "Скрипка Ротшильда"]; вечный трепет перед возможными лишениями унижает его и готовит его к рабству. И наоборот: тот, кто умеет с любовью вчувствоваться и вживаться в дарованное ему, тот будет находить в каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни, как бы новую дверь, ведущую в духовные просторы; или — вход в сокровенный Божий сад; или — колодезь, щедро льющий ему из глубины бытия родниковую воду. Такому человеку довольно простого цветка, чтобы коснуться божественного миротворения и изумленно преклониться перед ним; ему, как Спинозе, достаточно наблюдения за простым пауком, чтобы постигнуть строй природы в его закономерности; ему нужен простой луч солнца, как Диогену, чтобы испытать очевидность и углубиться в ее

переживание. Когда-то ученики спросили Антония Великого, как это он видит Господа Бога? Он ответил им приблизительно так: "Ранним утром, когда я выхожу из моей землянки в пустыню, я вижу, как солнце встает, слышу, как птички поют, тихий ветерок обдувает мне лицо — и сердце мое видит Господа и поет от радости..."

Каким богатством владеет бедняк, если он умеет быть богатым...

Это значит еще, что лишения призывают нас к сосредоточенному созерцанию мира, так, как если бы некий сокровенный голос говорил нам: "В том, что тебе уже дано, сокрыто истинное богатство; проникни в него, овладей им и обходись без всего остального, что тебе не дано, ибо оно тебе не нужно..." Во всех вещах мира есть измерение глубины. И в этой глубине есть потаенная дверь к мудрости и блаженству. Как часто за "богатством" скрывается сущая скудость, жалкое убожество; а бедность может оказаться сущим богатством, если человек духовно овладел своим скудным состоянием...

Поэтому нехорошо человеку обходиться без лишений: они нужны ему, они могут привести ему истинное богатство, которого он иначе не постигнет. Лишения выковывают характер, по-суворовски воспитывают человека к победе, учат его самоуглублению и обещают ему открыть доступ к мудрости.

И я не ропщу на лишения и утраты, постигшие меня в жизни. Но о моей синей сафьяновой тетради, научившей меня когда-то "закону оловянно-

го солдатика", я вспоминаю с благодарностью: она отняла у меня когда-то желанную игрушку, но открыла мне доступ к истинному богатству. И ее — я не хотел бы лишиться в жизни...

Епископ Александр (Милеант)

СКОРБИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Неизбежность скорбей

Ежедневно жизнь убеждает нас, что скорби неизбежны. Кто страдает от бедности, кто от потери близких, кто от болезни, кто от клеветы и человеческой злобы, а кого мучают его собственные страсти, недостатки или мнительность. Случается, что человек выглядит счастливым, а на самом деле, переживая душевные муки, скрывает свою скорбь.

Есть ли смысл в наших бедствиях, есть ли в них неосознанная цель, или все это только результат несовершенства мира и хаотичного столкновения случайных факторов? Или, может быть, страдания специально посылаются человеку в наказание за грехи как своего рода "отмщение" за непослушание? Есть ли возможность избежать скорбей или, по крайне мере, уменьшить их силу, — и если да, то как? Содействуют ли скорби духовному росту человека, или они только омрачают его существование и озлобляют его? Ответы на эти вопросы далеко не очевидны, и — как увидим — различные религии и философские школы по-разному отвечают на них.

В этой брошюре мы хотим взглянуть на проблему зла и скорбей в свете христианского понима-

ния. Сначала мы рассмотрим, как объясняют зло и смысл скорбей различные религии и философские школы, потом приведем учение об этом Священного Писания и святых отцов, наконец, покажем, как правильное умонастроение, согретое верой в Бога, может в корне изменить наше восприятие житейских скорбей и радостей.

Философия и религия о зле и страданиях

Проблемой зла издревле занимались как религия, так и философия. В самом широком значении словом "зло" обозначается все то, что противоположно добру и воспринимается человеком отрицательно. С точки зрения человека, зло не должно существовать: оно вносит диссонанс в гармонию бытия. Однако нет такой области в жизни, где бы не ощущалось присутствие зла в той или иной форме. Философия различает три вида зла: физическое, моральное и метафизическое.

Физическое зло — это все то, что огорчает человека и нарушает его благополучие, например: несчастья, страдания, болезни, мучения, страх смерти и т.д. Сюда следует отнести и социальные бедствия в человеческом обществе: бедность, неравномерное и несправедливое распределение труда и богатства, а также душевные переживания, волнения, сомнения, физические и умственные несовершенства, которые делают человека неполноценным и омрачают его существование.

Нравственное зло — это отступление человеческой воли от норм нравственного закона и по-

ступки, вытекающие из этого отступления. С христианской точки зрения, это единственное подлинное зло. Наконец, метафизическое зло — то несовершенство, которое неизбежно вытекает из природы бытия. Физические предметы необходимо ограничивают друг друга, слепые силы природы сталкиваются и борются, отсюда — бури, землетрясения, катастрофы, неблагоприятные климатические условия и другие бедствия в природе, от которых гибнут люди, животные и растения. Несовершенство природы некоторые видят в том, что одни животные существуют за счет уничтожения других, а сильные подавляют слабых.

Зло по природе всегда отрицательно. Оно ведет не к возрастанию, а к потере и лишению, к разрушению существующего порядка. Некоторые древние мыслители искали источник зла в самой природе. Однако современные ученые приходят к убеждению, что бедствия и катастрофы в физическом мире в конечном итоге ведут к усовершенствованию природы. Так, например: взрыв звезды, катастрофа с точки зрения ее существования, приводит к формированию тяжелых элементов (железа, цинка, золота и других), которые необходимы для возникновения более сложных и совершенных форм бытия — растений и животных. Подобным образом, иногда после катастрофической гибели одних видов растений и животных вместо них появляются другие более совершенные и выносливые виды. Борьба за существование среди животных необходима для сохранения здорового потомства. Таким образом, метафизи-

ческое зло не есть собственно зло, когда оно рассматривается в контексте тех результатов, к которым оно приводит.

Более труден вопрос о взаимоотношении между нравственным и физическом злом. Наше внутреннее чувство подсказывает нам, что физическое зло (страдания, болезни, смерть), вероятно, вытекает из нравственного зла — из сознательного нарушения высшего нравственного порядка. Все люди единогласны в том, что добродетельный человек заслуживает какой-то награды, а порочный — соответствующего наказания, и такое мнение уже существовало задолго до Рождества Христова. Сравнение религиозных воззрений древних народов показывает, что как дикие племена, так и более цивилизованные народы обычно одинаковы в оценке нравственно доброго и нравственно злого, — по крайней мере, в важнейших и принципиальных случаях. Все народы, как древние, так и современные, всегда отличали доброго человека от злого, добродетель от порока. Все согласны между собой, что к добру следует стремиться, а зло надо пресекать, что добродетель похвальна, а порок предосудителен, что убийство, супружеская измена, кража, ложь и т.п. — плохо, а что любовь, помощь другим и умеренная жизнь — хорошо. Правда, и раньше были, и теперь существуют племена, допускающие, а иногда и поощряющие поступки, которые считаются грехом с христианской точки зрения. Но при внимательном ознакомлении с причинами выясняется, что такое оправдание безнравственных

поступков вытекает не из разницы нравственного осмысления поступков, а диктуется внешними факторами: бытовыми условиями, культурным уровнем или политическими соображениями. Что касается врожденного нравственного закона, то он один для всех людей.

Давая нравственную оценку поступков, все люди сходятся на том, что в принципе каждый добрый поступок заслуживает награды, а злой — наказания. Но тут-то именно и возникает конфликт между тем, что все считают правильным, и тем, что в жизни наблюдается, а именно: нередко добродетельные люди страдают и не получают ни помощи, ни защиты, в то время как их обидчики безнаказанно продолжают творить беззакония и даже благоденствуют. В течение многих тысячелетий разные религии и философские школы по-разному объясняли причины этого противоречия.

Философско-религиозный пессимизм учит, что мир есть зло и что небытие предпочтительнее бытия. Согласно этому учению, зло — это активный принцип Вселенной, а добро — это не более, чем иллюзия и все убегающая цель. На этой идее основан буддизм, который учит, что сознательная жизнь есть зло, счастье — недостижимо и нет другой возможности избежать страдания, как только через прекращение существования и растворение в небытии (нирване). Согласно буддизму, источником страдания человека является его жажда существования. Истинное счастье достижимо только в состоянии сна, свободного от образов, желаний и какой-либо деятельности.

Религиозный дуализм древней персидской религии приписывал зло одному из двух противоположностей, к которым принадлежат смешанные теперь в мире добро и зло. Зороастр учил о существовании двух вечных взаимно враждующих начал, независимых друг от друга: Ормузд — бог света и добра, а Ариман — бог зла. Этот мифологический дуализм перешел в секту манихеев (основанную Мани в 238 г. после Р.Хр.). Манихеи учили, что зло совечно добру, имеет реальную сущность и есть совершенно самостоятельное бытие. Конкретным представителем мира добра является первый человек — небесный Адам, мира зла — Сатана. Вследствие борьбы между ними произошло смешение противоположных элементов добра и зла. Для извлечения из образовавшегося хаоса того, что принадлежит области добра, был создан видимый мир, в который Божество посылает время от времени своих посланников: Будду, Заратустру, Иисуса и, наконец, Мани. После полного выделения света из хаоса навеки утвердятся пределы двух миров.

Дуалистического учения придерживались гностические секты первых веков христианства, которые хотя и расходились в некоторых частных вопросах, но все признавали, что материя есть зло. Мир произошел путем эманации, через Демиурга — своего рода посредника между недосягаемым Богом и нечистой материей; все существа истекают из природы Бога, которая определяется ими как полнота бытия (плерома), причем каждая последующая степень истечения

(эманации) представляется менее совершенной, чем предшествующая.

Религиозно-философский дуализм лежит также в основе неоплатонизма и теософии. Основатель неоплатонизма Плотин (205 – 270 после Р.Х.) учил о существовании градаций в лестнице бытия. Бог — выше мира. Он безграничен, безличен, непостижим и недосягаем. Из Него все произошло путем эманации. Произошедшее менее совершенно, оно есть простое отражение Бога и представляет ряд убывающих ступеней, заканчивающихся небытием, темнотой. Первое порождение есть разум, т.е. высшее бытие. Цель человеческой жизни состоит в освобождении от телесных оков и возвращении в мир идей, для этого необходим катарсис, очищение от оков зла и разрыв союза души с телом. Страдания не входят в план высшего существа, они лишь непреднамеренное следствие несовершенства природы. Однако с точки зрения целого, страдания могут приносить известную пользу.

Особенностью приведенных выше учений о природе зла и о смысле человеческих страданий является то, что в них отсутствует понятие о Боге как о личном и добром существе, Который по собственной воле создал мир и постоянно заботится о нем.

Теперь кратко рассмотрим мысли некоторых философов по данному вопросу. Сократа (469 – 399 до Р.Хр.) интересовала проблема нравственного зла. Он считал, что моральное зло происходит от незнания. Никто не зол по доброй воле, а

лишь по неведению. Все люди могут стать добрыми путем культуры интеллекта. Добродетель едина, и сущность ее заключается в мудрости. "Добродетель — это знание," — учил Сократ.

Школа киренаиков (по названию города Кирены, где возникла в 435 до Р.Хр.) отождествляла зло со страданиями, а благо с наслаждением. Согласно этому учению, единственная цель жизни и единственная ценность — это наслаждение (гедонизм). Эпикур (342—271 гг. до Р.Хр.) учил, что никакое наслаждение не должно быть отвергаемо, кроме того, которое влечет после себя страдания. Никакое страдание не должно быть принимаемо, кроме того, которое ведет к еще большему удовольствию. Гедонистическое учение позже пришло к пессимизму, по которому человеческая жизнь не нужна и бесцельна, поскольку удовольствия — это единственное благо — часто недоступны. Чем страдать, считали они, лучше умереть.

Платон (428—347 гг. до Р.Хр.) видел причину зла вне совершенства материи и всего сотворенного. Мир явлений несовершенен, истинное бытие принадлежит только обобщениям (идеям). Идеи — имеют не только субъективное, но и объективное бытие в особом прекрасном мире идей. Во главе всех идей находится, подобно солнцу, идея Добра. Демиург (Творец), глядя на мир идей, создал конечный мир существ. Душа человека представляет собой посредствующее звено между двумя мирами. По своей природе она бессмертна. Цель человеческой жизни — сделаться подобным Богу, стать мудрым.

Платон видел источник зла в невозможности вполне воплотить идеальное начало в косной материи.

У Аристотеля (384—322 гг. до Р.Хр.) зло — это необходимый аспект постоянной изменяемости материи, которая не имеет в себе реальной сущности. Цель жизни — блаженство, которое достигается полезной деятельностью. Каждое жизненное положение требует соответствующего действия, которое должно естественно гармонировать с надобностью. Чересчур много или слишком мало в чем-либо ведет к пороку. Например, пользование деньгами может быть сопряжено со скупостью или с расточительностью. И то и другое — плохо.

Стоики учили, что зло необходимо для пользы целого: несовершенство частей увеличивает совершенство целого. Сопребывающая миру Божественная сила гармонизирует добро и зло в этом изменяющемся мире. Моральное зло происходит от злой воли людей, а не от Божественной воли. Оно преодолевается Божественной волей и направляется к благой цели. У стоиков господствовал идеал непоколебимого мудреца, равнодушного к внешнему, к бедствиям мира и гордого сознанием своей внутренней свободы.

Спиноза (1532—1677 гг.), отождествляя Бога с материей, заявлял, что в природе нет добра или зла, лишь человеческая мысль вносит эти определения в явления. Так как мир и есть Бог, то зла не может быть, потому что все явления — это естественные изменения в божественной сущности.

Наиболее полное учение о зле в новой философии дал Лейбниц (1644 — 1716 гг.). Ему принадлежит разграничение видов зла и попытка объяснить его сущность. В гимне Клеантия к Зевсу можно видеть подход к доктрине Лейбница относительно природы добра и зла в мире. "Ничего не происходит без Тебя на земле, или в море, или на небе, кроме зла, которое люди совершают по своей глупости. Так что ты сочетал все зло и добро в одном, чтобы существовал один вечный план всех вещей".

Кант (1724 — 1804 гг.) указывал на безусловный характер нравственного закона и старался создать этику, независимую от искания личной выгоды, чувства удовольствия и от религиозных мотивов. Моральность поступка всецело обусловлена мотивом поступка. Чувство долга — вот единственный безупречный и абсолютно добрый мотив. Этика — закон нашего собственного разума, и поэтому она должна быть соблюдаема ради себя самой. "Поступай так, чтобы правило твоей воли могло стать принципом всеобщего законодательства". Удовольствие и счастье можно принимать в качестве награды за добродетель, но сами по себе они не являются добром. Никакой поступок, совершаемый по личному желанию, не является моральным. Долг выражает разумность человеческой природы, совершенно независимо от желаний и склонностей. Однако Кант не сумел объяснить, как расценивать поступки людей, которые руководствуются совершенно разными чувствами долга. Например, патриот считает своим долгом идти

на войну и защищать свою страну, а пацифист считает, что всякая война — зло. Как же вывести здесь универсальный, всем обязательный моральный закон? У последователей философии Канта высшим добром стала охрана существующего общественного порядка; их идеал — сытая и спокойная жизнь.

Гегель (177 — 1831) развил этику преклонения перед консервативным общественным строем, т.е. государством. Он считал злом, когда человек свое личное чувство долга противопоставляет общественному порядку. Идеальная мораль — это слияние всех отдельных сознаний в один объективный закон-традицию.

Шопенгауэр и Гартман стали представителями пессимистического учения на Западе, утверждая, что вселенная по существу своему зла и счастье в ней невозможно. Согласно Шопенгауэру (1788 — 1860 гг.), мир — продукт слепой воли. Он есть зло и не должен существовать. Небытие предпочтительнее бытия. Наш мир — худший из всех возможных. Хуже он не может быть, ибо если б он был еще немного хуже, то вовсе не мог бы существовать. Счастье есть нечто отрицательное, оно состоит в отсутствии страданий, в то время как несчастье есть нечто реальное. Страдания возникли одновременно с самосознанием, от которого они неотделимы. Деятельность человека вытекает из неудовлетворенного стремления. Вся жизнь человека есть или страдание, или скука. Спасение из такого положения достигается путем познания единства всех существ и через отрицание воли.

С середины 19-го столетия как в Англии, так и в Европе, и в США этика раздробилась на множество школ самых разных направлений, где отсутствовали высшие, абсолютные ценности и где не было личного Бога как источника всякого блага. Отсюда условный характер и шаткость всех их этических построений. Таким образом, научная безрелигиозная этика не удалась. Мораль без религии — это здание без фундамента.

Так, например, Ницше (1844 — 1900 гг.) учил, что зло относительно, моральное зло — это временное, преходящее явление, потому что человек — "животное, еще не вполне адаптировавшееся к окружающей его среде." Он пытался создать основы новой морали сверхчеловека, вытекающей из эволюционного развития. Ницше открыто восхвалял грубую силу и ловкость ради победы в борьбе за существование. Христианские добродетели: смирение, всепрощение и любовь — он называл "рабскими добродетелями". Крепкая воля и стремление к господству (а не разум) являются ключами к успеху в жизни. Война имеет очистительную и облагораживающую силу. Будущее принадлежит сверхчеловеку. Жестокость, отвага и выдержка станут новыми добродетелями будущего человечества.

Спенсер (182 — 1903 гг.) придерживался эволюционной теории возникновения и развития морального чувства в условиях, в которых жили предки современных людей: от грубых и жестоких нравов к более утонченным и изящным.

Бедно содержанием и неубедительно материа-

листическое учение о зле и смысле страданий. Материализм учит, что ничего кроме материи не существует. Поэтому все процессы, в том числе и психические, можно свести к движению атомов и к химическим процессам в мозгу человека. Отсюда вытекает условность всех человеческих понятий относительно добра и зла. В материализме этические понятия сводятся к понятиям приятного и полезного в данную минуту и в данных условиях. Природа не знает ни долга, ни ценностей. Мораль — это продукт общественного сознания, и каждое общество вырабатывает свою мораль. В одном историческом периоде может возникнуть одна мораль, в другом — другая. Если все относительно, то нет ни добродетели, ни порока, а существуют лишь выгода или невыгода; страдания и смерть бессмысленны, справедливость не существует. Отсюда вывод: спеши взять от жизни все, что можешь, потому что, когда умрешь, все для тебя кончится.

Общим знаменателем для большинства философов-моралистов 15—20 веков было исключение Бога и религиозных понятий из этики. Многие из них были агностиками, пантеистами, материалистами и даже иногда враждебно относились к религии.

К сказанному следует добавить, что вопрос взаимоотношения между страданиями и нравственными поступками трудно анализировать не только неверующему человеку. Иногда и верующие люди, подавленные скорбями, недоумевают: "Почему Бог допускает войны, эпидемии и всякие на-

силия? ... Если Он бесконечно добр и бесконечно милостив, то Он никак не мог бы равнодушно смотреть на все бесчисленные страдания невинных. Если Он бесконечно мудр и всемогущ, то почему Он не прекращает эти страдания? Почему Он допускает, чтобы зло торжествовало?" Библия проливает свет на эти вопросы.

Учение Священного Писания о зле и страданиях

Священное писание очень отчетливо отвечает на ряд принципиальных вопросов, связанных со злом в мире и страданиями человека: зло и страдания не от Бога. Бог, будучи бесконечно добр, все создал для блага и счастья человека. "И увидел Бог, все, что Он создал, и вот, хорошо весьма", — читаем в заключении библейского повествования о сотворении мира (Быт. 1:31). Бог создал человека чистым, добрым и наделил его высокими духовными качествами, уподобив его Себе. Назначение человека состояло в развитии в себе добрых качеств, так что чем больше он достигал близости к Богу, тем больше он приобщался к блаженству Божественной жизни.

Но человек не устоял на высоте своего призвания. Как повествует книга Бытия, первый человек по внушению змия-обольстителя вкусил запретный плод и нарушил этим прямую заповедь Божию. Греховность этого поступка заключалась в том, что человек захотел уподобиться Богу, не путем развития в себе добрых качеств — что со-

пряжено с внутренним усилием и требует времени, — а автоматически, так сказать, одним смелым скачком. Этим дерзким поступком Адам по наущению дьявола фактически прибегнул к магии, суть которой состоит в стремлении получить сверхъестественные способности, чрезвычайные знания или известные услуги разными механическими действиями и заклинаниями. Для магии характерно желание использовать таинственные потусторонние силы вне контекста их нравственного содержания и своей ответственности перед Богом.

Как видно из библейского повествования, змий был не простым пресмыкающимся, а существом разумным, хитрым и коварным. Он нагло клеветал на Творца и ловко обольстил доверчивого человека. В другом месте Священное Писание объясняет, что этот змий (он же "дракон") был сам Денница — один из приближенных к Богу ангелов, поначалу добрый и светлый, а потом по гордости восставший против своего Творца. Отпав от Бога, Денница увлек с собой часть ангелов, образовав с ними мрачное царство зла, место мучений и ужасов, именуемое адом. (Падший Денница также именуется Сатаной, что значит клеветник, а последовавшие за ним ангелы — бесами или демонами. Трагедия отпадения от Бога поначалу добрых ангелов произошла еще до появления видимого мира. Таким образом, согласно Библии, зло зародилось не в косной материи, а в разумном и богоподобном духе и от него распространилось на вещественный мир.

Порочность греха первого человека состояла не только в нарушении определенной заповеди, но и в том, что человек принципиально отвернулся от Бога и встал на путь, по которому раньше него пошел его искуситель. Человек отвернулся от своего небесного Отца, чтобы служить себе лично, делать не то, что содействует благу, а то, что приятно лично ему. Отсюда-то, от порочного направления воли, ведут свое начало все бедствия и страдания человечества. Болезни, скорби и физическая смерть — это следствия нравственного зла. С помрачением души в человеке нарушился баланс между его духовной и физической природой: его нравственное чутье потускнело, а благородные устремления стали подавляться капризными и беспорядочными плотскими желаниями.

Но в падении человека обнаруживается и бесконечная милость Творца, Который последствия греха — страдания, болезни и смерть — премудро обратил в средства врачевания и спасения человека. Священное Писание уделяет много внимания раскрытию этой истины.

После отпадения от Бога для человека начинается длинный и тернистый путь возвращения к Нему. Нравственное врачевание должно было совершаться активно, с участием воли человека, а не пассивно. Священная история показывает нам, как и внутренним влечением, и разными внешними способами Бог ведет к Себе человека, помогает ему стать на путь добра и милостиво прощает его падения. По причине духовного огрубения человека возникла необходимость объявить нрав-

ственный закон, начертанный в глубине его духовной природы, в форме простых и понятных заповедей, чтобы человек, кроме внутреннего, имел еще и внешнее руководство. Так, на протяжении долгого ветхозаветного периода Бог раскрывал Свою волю людям через Своих избранников — патриархов и пророков. Постепенно образовался сборник духовных книг, именуемый Священным Писанием. Ветхозаветное время было периодом обучения человека начаткам Закона Божия, привития утраченного чувства благоговения перед Творцом и осознания необходимости повиноваться Ему. Это был подготовительный период к принятию Евангельского учения и к обновлению сердца благодатью Святого Духа.

Люди с чуткой душой на личном опыте раньше или позже убеждаются в том, что всякая радость и утешение приходят от Бога, а всякая скорбь от собственных прегрешений и от порочности других людей. Постижение этой важной истины было подлинно великим достижением ветхозаветного периода. Так, царь Давид в своих вдохновенных псалмах делится опытом, приобретенным им в течение многих лет: "Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет. Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь ... Ты укажешь мне путь жизни: полнота радости пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек" (Псал. 33:20 и 15:11).

Ветхозаветное Писание учило об абсолютной справедливости Божией, согласно которой человек, делающий добро, заслуживает награды, а по-

ступающий плохо — наказания. Причем Писание учило, что именно сам согрешающий, а не посторонние, должен понести наказание. Однако на практике далеко не всегда оправдывался принцип справедливости к великому недоумению людей, искренне желающих жить праведно. Тогда еще не были раскрыты во всей ясности сроки и способы осуществления Божественной справедливости, потому что загробная участь человека была обусловлена пришествием обещанного Мессии. Читая священную историю, мы видим, что даже праведные люди не всегда могли примириться с вопиющими несправедливостями жизни. Они не понимали, почему во всем совершенный Господь иногда не заступается за невинных и допускает торжество беззакония. Праведный Иов, например, на которого внезапно посыпались всевозможные бедствия, а именно: в течение нескольких дней он лишился всего своего имущества, семьи и даже здоровья, — смиренно покорился воле Божией, но не мог понять, почему Бог допустил, чтобы его постигли такие несчастья.

Пророк Иеремия, часто подвергаясь гонениям за проповедь слова Божия, в недоумении вопрошал Господа:

"Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют? Ты насадил их, и они укоренились, выросли и приносят плод". И немного позже он даже как бы ропщет на свою участь: "Горе мне, мать моя, что ты

родила меня человеком, который спорит и ссорится со всей землей! Никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост, а все проклинают меня... Я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мной. Ибо лишь только начну говорить, я кричу о насилии, вопию о разорении, так что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал я: не буду я напоминать о Нем и не буду больше говорить во имя Его. Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился удерживая его, и не мог" (Иер. 12:1—4, 15:1—11 и 20:7—9).

Таким образом, ветхозаветное Писание не давало исчерпывающего ответа на недоумение, почему так часто нарушается справедливость. Тем не менее, уже тогда некоторые смогли несколько глубже вникнуть в тайну скорби и увидеть, что, помимо наличия заслуженности или незаслуженности, скорби имеют свою светлую, положительную сторону. "Сетование лучше смеха, — замечает премудрый царь Соломон на закате своего жизненного пути, — потому что при печали лица сердце делается лучше!" (Ек. 7:3).

Центральной темой Нового Завета является учение о спасении человечества добровольными страданиями воплотившегося Сына Божия. В Новом Завете страдания не просто возмездие за преступление, они имеют активную искупительную силу. Страдания — источник обновления и спасения. Бог не скрывается за пределами необъятного пространства и Он не безразличен к людским бедствиям, как думали языческие мудрецы. На-

против, Он "так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин. 3:16).

Из великой жалости к людям Сын Божий сходит с высоты Своей небесной славы в наш скорбный мир, берет на Себя бремя человеческих грехов и смывает их Своей пречистой кровью на кресте. Его раны — лекарство от наших недугов, Его смерть — это начало новой блаженной жизни. На кресте через страдания Богочеловека совершилась великая тайна обновления человеческого естества, поврежденного грехом.

Святой Григорий Богослов противопоставляет крестную жертву Спасителя вкушению запретного плода в Эдеме: "Для сего древо за древо, и руки — за руку; руки мужественно простертые за руку, невоздержно простертую, руки пригвожденные — за руку своевольную... Для сего — вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть".

Своей искупительной смертью и победоносным воскресением Господь низложил древнего змия-искусителя и дал верующим "власть наступать на змей и скорпионов и попирать всю силу вражию" (Лк. 10:19). Искупленному человеку открывается путь в Царство Небесное и к вечной радости. Немощному и привыкшему грешить человеку путь к Небу по временам кажется узким и трудным, но Господь Иисус Христос ободряет каждого, желающего стать на спасительный путь, говоря: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные,

и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко" (Мф. 11:28 — 30).

Страдания и бедствия человека в этой временной жизни не упразднены пришествием Христа, однако они утратили свою прежнюю остроту и мрачность. Дело в том, что зло так сплелось с нашим существом, так вросло в наше сердце, что процесс освобождения от него всегда сопряжен с болью. Но небесный луч Духа Утешителя разгоняет мрак в душе страдальца и согревает его ощущением Божественной любви. Замечательно, что еще на пути человека к Царству Небесному Дух Святой Своим присутствием дает предвкусить верующему радость уготованной ему вечной жизни. Праведники, удостоенные такой радости, свидетельствуют, что в сравнении с ней все земные блага и веселье становятся ничтожными. Поэтому апостолы учили, что верующие не должны скорбеть, "как прочие [язычники], не имеющие надежды", но должны радоваться и благодарить Бога (1 Фес. 4:13).

"Как Христос пострадал за нас плотью, то и вы вооружитесь тою же мыслью, — пишет ап. Петр, — ибо страдающий плотью перестает грешить" (1 Пет. 4:1 — 2). И немного дальше: "Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного; но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете"

(1 Пет. 4:12 – 13). Как огонь очищает от примесей драгоценный металл, так нужно, чтобы и "испытанная [скорбями] вера оказалась драгоценнее... огнем испытываемого золота, — к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа" (1 Пет. 1:6 – 8).

Христианская вера расширяет кругозор верующего человека и дает ему возможность видеть временное на фоне вечности. Страдания невинных не напрасны: они средство к получению большей награды на Небе. Так, согласно евангельской притче, многим казалось, что жизнь жестоко обидела нищего Лазаря. В то время, как он голодал и беспомощно страдал от язв лежа у ворот богача, тот ежедневно пиршествовал и веселился. Ни богач, ни его друзья не выражали Лазарю даже малейшего сочувствия. Когда Лазарь умер, никто не пришел на его похороны. С житейской точки зрения, его жизненный жребий — сплошная несправедливость. Однако, приподнимая завесу, за которой начинается иной мир, Евангелие дает нам увидеть, что с физической смертью прекратилась не жизнь, а лишь страдания Лазаря. Теперь за свое терпение и незлобие он удостоен великой награды. Таким образом, переступив порог временной жизни, человек вступает в мир, где царствует абсолютная справедливость. Поэтому в трудные минуты жизни надо напоминать себе, что "нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас" (Рим. 8:18).

Для более полного понимания излагаемой здесь темы очень ценны автобиографические заметки

апостола Павла, в которых он рассказывает об испытаниях, постигающих его в его апостольской деятельности, и как он постепенно понял пользу их.

"Я был без меры в трудах, в ранах, в темницах и многократно при смерти. От иудеев было дано мне пять раз по сорок ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушения, ночь и день пробыл во глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в море, в опасностях между лжебратьями. В труде, в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, стуже и наготе" (2 Кор. 11:23—29).

И при всем этом у апостола Павла не видно и тени озлобленности или ропота, что он, посвятивший свою жизнь Богу, как бы отдан на поругание и издевательство врагов. Напротив, вот как апостол языков научился воспринимать все случающееся с ним:

"Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих. Ибо по мере того, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше ... Нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем" (2 Кор. 1:3—6, 6:9).

Кроме внешних скорбей и препятствий, связанных с проповедью, апостола Павла удручала еще какая-то физическая немощь, какой-то непонятный внутренний недуг, доводящий его порой до полного изнеможения, который он называет "жалом ангела сатаны" в своей плоти. Апостол трижды усиленно молил Бога избавить его от этого недуга, препятствующего ему совершать апостольское служение. Но Господь, вместо исцеления, явился ему Сам и сказал: "Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя в немощи совершается". Поняв, что недуг послан ему для духовной пользы: чтобы научить его надеяться не на свои силы, а на помощь Божию, — апостол пришел к такому решению: "Я более охотно буду хвалиться немощами своими, чтобы обитала во мне сила Христова ... Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа. Ибо когда я немощен, тогда я силен!" (2 Кор. 12:7 — 11).

Вот новое и подлинно ценное откровение о пользе скорбей! Принимаемые со смирением и надеждой на Бога, они привлекают к страдальцу божественную силу, которая во много раз превышает его естественные силы и делает человека орудием Промысла Божия для спасения множества людей и даже целых народов.

Итак, новозаветное Писание раскрывает перед нами искупительную сторону страданий. Добровольные страдания Сына Божия принесли спасение миру. Упраздняется первопричина всякого зла — грех, а малые и временные скорби остав-

ляются в качестве лекарства, как средства к духовному совершенствованию. Как было дано увидеть писателю книги Откровения, ап. Иоанну Богослову, Царство Небесное наполнено людьми из всякого колена, языка, народа и племени, людьми разных культур, степеней образования и социального происхождения. Общее у них то, что они пришли сюда от "великой скорби" (От. 7:14), т.е. у каждого спасенного был свой жизненный крест. И во главе этого неисчислимого сонма апостол видит посреди небесного жертвенника Агнца Божия — Иисуса Христа.

Каждый человек хотел бы попасть в рай, но не каждый осознает и не каждый хочет примириться с фактом, что и ему надо безропотно понести свою долю скорбей, чтобы не оказаться чужим среди прочих, пришедших сюда именно через страдания. Мы знаем, что "многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие" (Деян. 14:22), и в то же время нам надо всеми силами преодолевать в себе всякое мрачное настроение. Христианин должен всегда радоваться и благодарить Бога, потому что скорби — это временное состояние. Свой духовный взор надо устремлять к Господу, от Которого всякое утешение и радость, а также будущая жизнь, в которой уже не будет ни обманов, ни неправд, ни болезней, ни смерти, ни всего того, что омрачает наше земное существование, но будет вечное блаженство. Напоминая об этом, апостолы учили христиан: "Радуйтесь всегда о Господе, и еще говорю: радуйтесь" (Фил. 4:4). Христианство — это прежде всего вера в победу доб-

ра. Оно принесло людям свет, любовь и подлинную радость в общении с Небесным Отцом.

Святые отцы о том, как относиться к скорбям

Изложенное здесь учение о скорбях будет неполным без святоотеческих наставлений на эту тему. Опыт святых — это неисчерпаемая сокровищница мудрости для каждого, кто старается правильно относиться к неизбежным скорбям, чтобы не оказаться подавленным ими. Ниже приводим избранные мысли как древних, так и сравнительно современных православных подвижников.

Преподобный Антоний Великий (4-ый век, Египет): Чем более умеренную проводит жизнь человек, тем спокойнее он становится, потому что не заботится о многом — о прислуге и приобретении вещей. Если же мы прилепляемся к этому [земному], то подвергаемся случающимся из-за него скорбям и доходим до ропота на Бога. Таким образом, желание многого наполняет нас смятением, и мы блуждаем во тьме греховной жизни.

Преподобный Ефрем Сирин (Месопотамия, 4-ый век). Не можешь ты снести оскорбления? Молчи — и успокоишься. Не думай, что ты страдаешь больше других. Как живущему на земле невозможно избежать воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Занятые земным от земного испытывают и скорби, а стремящиеся к духовному о духовном и болеют

душой. Однако последние будут блаженны, потому что плод их обилен о Господе.

Если пришла печаль, будем ожидать приближения и радости. Возьмем в пример плывущих по морю. Когда поднимается буря, они борются с волнами, ожидая тихой погоды; а когда настанет тишина, они готовятся к буре. Они всегда бдительны, чтобы поднявшийся внезапно ветер не застал их неготовыми и не перевернул судна. Так и нам надо действовать: когда приключится скорбь или трудные обстоятельства, будем ожидать облегчения и помощи от Бога, чтобы не удручила нас мысль, будто нет уже для нас надежды на спасение.

Все от Бога — и благое, и скорбное. Но одно по благоволению, а другое по домостроительству и попущению. По благоволению — когда живем добродетельно, потому что угодно Богу, чтобы живущие добродетельно украшались венцами терпения; по домостроительству — когда согрешая, бываем вразумляемы; по попущению же — когда и вразумляемые не обращаемся. Бог промыслительно наказывает нас, согрешающих, чтобы мы не были осуждены с миром, как говорит апостол: "Судимы от Господа, наказываемся, да не с миром осудимся" (1 Кор. 11:32).

Преподобный Марк Подвижник (5-ый век, Египет): Если кто, явно согрешая и не каясь, не подвергается никаким скорбям до самого исхода, то знай, что суд над ним будет без милости... Желающий избавиться от будущих горестей должен охотно переносить настоящее. Ибо таким обра-

зом, мысленно изменяя одно в другое, он через малые скорби избежит великих мучений.

Когда вследствие обиды раздражается твоя утроба и сердце, не печалься, что промыслительно пришло в движение скрывавшееся внутри тебя зло. Но с радостью низлагай возникшие помыслы, зная, что вместе с тем, как они истребляются при своем появлении, истребляется вместе с ними и зло, лежащее под ними и приводящее их в движение. Если же помыслам позволяют коснеть и часто появляться, то и зло обычно усиливается.

Преп. Исаак Сирин (6-й век, Сирия): Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах. Дух Божий не обитает в тех, кто живут в покое. Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что они живут в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем. Не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но хочет, чтобы теперь они пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в нужде, в унижении, в оскорблениях, в утружденном теле, в печальных мыслях. Так исполняется сказанное о них: В мире будете иметь скорбь (Ин. 16:33). Господь знает, что живущие спокойно не способны любить Его, и потому отказывает праведникам во временном покое и услаждении.

За всякой телесной отрадой следует страдание, а за всяким страданием ради Бога следует отрада. Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем Едином приобретает себе успокоение. Радость о Боге крепче здешней жизни, и кто нашел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не об-

ратит взора на жизнь свою, и не будет там иного чувства, если действительно была эта радость.

Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби. Что творится без труда, то есть "праведность" мирских людей. Но ты подвизайся втайне и подражай Христу, чтобы тебе удостоиться вкусить и славы Христовой. Ум не прославится вместе с Иисусом, если тело не пострадает с Ним.

Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны перед Богом скорби за Него и ради Его.

Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби. Если и повергает иногда в телесном лишениям и иным скорбям, но в душе скорбящего являет Господь великое человеколюбие, соразмерно с жестокостью страданий в скорби его.

Старец Варсонуфий (6-й век, Палестина): Желаешь ли избавиться от скорбей и не тяготиться ими? Ожидай больших, — и успокоишься.

Авва Дорофей (7-й век, Палестина): Душа, по мере совершения греха, изнемогает от него, потому что грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предается ему. И поэтому человек тяготится всем, что случается с ним. Если же человек преуспевает в добром, то по мере преуспевания все, что некогда казалось тяжелым, теперь становится более легким.

Есть люди до того изнемогающие от болезней и напастей этой жизни, что предпочитают умереть, лишь бы только избавиться от скорбей. Это происходит с ними от малодушия и большого неразу-

мия, ибо они не думают о той страшной нужде, которая постигает людей, когда их душа покидает тело. Вот что рассказывает книга "Отечник". Один усердный послушник спросил своего старца: "Почему я хочу умереть?" Старец ответил ему: "От того, что ты избегаешь скорбей и не знаешь, что грядущая скорбь гораздо тяжелее здешней". А другой послушник спросил старца: "Отчего я, находясь в кельи, впадаю в беспечность и уныние?" Старец сказал ему: "Оттого, что ты еще не познал ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения, ибо если бы ты достоверно познал это, то хотя бы келья твоя была бы полна червей, так что ты стоял бы в них по самую шею, ты бы переносил это, ни мало не расслабляясь". Но мы, почивая, хотим спастись и потому изнемогаем от скорбей, в то время, как мы должны были бы благодарить Бога и считать себя блаженными, что можем немного поскорбеть здесь, чтобы там обрести покой.

Верь, что бесчестья и укоры от людей — это лекарства, врачующие твою гордость, и молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах твоей души. Будь уверен, что тот, кто ненавидит бесчестье, ненавидит и смирение, и кто избегает огорчающих его, тот сторонится кротости.

Авва Зосима (4-ое столетие, Египет?): Уничтожь искушения и борьбу с помыслами — и не останется ни одного святого. Бегущий от спасительного искушения бежит от вечной жизни. Кто доставил святым мученикам венцы, если не мучители их? Кто даровал первомученику Стефану такую великую славу, если не те, которые побили его камнями?

Преподобный Серафим Саровский (18-й век, Россия): Кто победил страсти, тот победил и печаль. А одолеваемый страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так одержимы страстью отличается печалью.

Тело есть раб души, а душа — царица. Потому часто бывает, что по милосердию Божию наше тело изнуряется болезнями. Из-за болезней же страсти слабеют, и человек приходит в себя... Кто переносит болезнь с терпением и благодарностью, тому вменяется она в подвиг, или даже более его.

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться надо, чтобы друг — плоть наша — был бы верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем, не уклоняясь ни вправо, ни влево: духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни.

Ученикам, порывающимся брать на себя чрезмерные подвиги, преподобный Серафим говорил, что безропотное и кроткое перенесение обид — это вериги наши и власяница.

Должно снисходить к душе своей в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних.

Веселость — не грех. Она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Ах, если бы ты знал, — говорил он однажды иноку, — какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на Небе, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарностью. Если бы самая эта ке-

лья наша была полна червей и если бы эти черви ели нашу плоть в течение всей здешней жизни, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, которую уготовал Бог любящим Его.

Старец Никон Оптинский [Беляев] (1927 год, Россия): Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому.

В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить и даже не замечать их.

Старец Силуан (1938 год, Афон): Господь любит всех, но допускает скорби, чтобы люди познали свою немощь и смирились, и за свое смирение приняли Святого Духа, а с Духом Святым — все хорошо, все радостно.

Ты говоришь: "У меня много горя". Но я тебе скажу: "Смирись и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься, и скажешь: Почему же я раньше так мучился и скорбел? Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: "Мир Мой даю вам". Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

Душа смиренного как море. Брось в море камень, он на минуту возмутит слегка поверхность, а затем утонет в глубине его. Так скорби утопают в сердце смиренного, потому что с ним сила Господня.

Игумен Никон [Воробьев] (1963 год, Россия):

Мир [посылаемый Богом] делает человека нечувствительным к земным скорбям и страданиям, погашает всякий интерес к миру сему, влечет человека горе, рождает в сердце любовь ко всем, которая покрывает все недостатки ближнего, не замечает их, заставляет жалеть другого больше чем себя.

Обретение высшего Блага

Согласно Священному Писанию и опыту святых отцов единственное действительное зло — это нарушение нравственных норм. Отсюда ведут свое начало другие формы зла. Моральное зло возникает внутри нравственно свободного существа, и если им же добровольно не пресекается, то зреет все больше и крепнет в человеке, постепенно срастаясь с его волей и все более выявляя себя в разрушительных и гнусных поступках.

Но как собственно зарождается нравственное зло? Какие духовные процессы ведут к нему? Поиски ответа на эти вопросы заставляют глубже анализировать, что собственно есть благо. Существует множество духовных и физических ценностей, которые желательны и к которым следует стремиться. И чем выше человек поднимает свой взор, чтобы разглядеть более ценные из них, тем явственнее для него становится, что над всем сияет как солнце одно абсолютное, безусловное и высшее Благо — Господь Бог! От Него ведут свое начало и все другие блага.

Эта истина станет еще более очевидной, если

мы мысленно перенесемся в то далекое прошлое, когда еще ничто не существовало: ни духовный (ангельский), ни наш видимый мир. Было время, если можно так выразиться, когда даже не существовали такие фундаментальные формы бытия, как время и пространство, без которых немыслим вещественный мир. Даже не существовала пустота (вакуум), потому что она предполагает пространство. (Вакуум, согласно современной физике, — это сложное, губкообразное, вибрирующее состояние пространства, в котором непрерывно появляются и исчезают виртуальные частицы.) Существовало лишь одно всемогущее, всеблагое, совершенное, личное и разумное Существо, Которое мы именуем Богом.

Можно, конечно, отвлеченно представить себе индуктивным путем бесконечно продолжительное время и бесконечно великое пространство, которое частично заполнено мирами вроде нашего. Однако, строго говоря, бесконечное пространство и бесконечное время — это несуществующие умственные построения, нужные для решения некоторых математических и физических задач. В действительности же и время, и пространство — это творения Божии: конечные, ограниченные и, в сравнении с Богом, ничтожные величины. Только Он один бесконечен и вечен, будучи выше понятий времени и пространства.

Являясь первопричиной всего, Бог по Своей благости создал сначала духовный мир, населив его бестелесными разумными существами, которых мы именуем ангелами. После этого создал уже

и наш видимый мир — с его величием, красотой и разнообразием жизненных форм. Наконец, как некий венец видимого мира, Он создал человека, украсив его некоторыми Своими божественными свойствами: свободной волей и влечением к нравственному совершенству. Так как все получило свое бытие от благого Творца, то все носит на себе печать блага в большей или меньшей степени. Надо осознать, что ограниченность и несовершенство всего созданного не есть зло (как думали некоторые философы), потому что, по премудрому устройству Творца, в природе каждая вещь, даже самая малая частица, каждое микроскопическое существо служит благу целого и дополняет одно другое. Так все духовное в совокупности с физическим образует одно великое и гармоничное Царство Добра.

В то время, как бездушная природа подчинена законам необходимости, а животные — заложенным в них инстинктам, ангелы и люди обладают свободой выбора между действиями, которые имеют нравственный характер, то есть могут быть правильными или неправильными, добрыми или злыми. Нравственное чувство через голос совести подсказывает, какое из возможных действий лучше, а какое хуже с моральной точки зрения, какое благо выше, а какое ниже. Эти два свойства — свобода воли и нравственное чувство — возвышают ангелов и людей над бездушной природой и над животным миром, открывая путь к совершенствованию и к все большему уподоблению Создателю.

Если каждая вещь в природе, даже самая ничтожная, имеет свое назначение, то назначение разумно-нравственных существ — ангелов и людей — состоит в созидании и укреплении Царства Добра, — в этом великом деле Божием. Природа участвует в общем благе пассивно, а нравственно-свободные существа активно. Это огромная честь, но вместе с тем и ответственность.

В молитве "Отче наш" Господь Иисус Христос учит всех стремиться к большему благу. Слова молитвы: "Да святится имя Твое" выражают наше желание, чтобы всюду и везде прославлялось имя Божие. А это достигается не столько устным восхвалением Бога, сколько укреплением и расширением Его Царства Добра, к которому Он удостоил нас принадлежать. Следующее прошение молитвы собственно и говорит об этом подробнее: "Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли".

Как планеты и астероиды, облетая солнце, ничего не прибавляют к его сиянию, так и мы ничего не можем дать Богу, чего бы Он уже не имел. Он хочет только, чтобы мы все больше совершенствовались и способствовали благу других. Делая добро и распространяя его вокруг себя, мы оказываемся соработниками у Бога, активными участниками в созидании Добра. Слава Божия — это та точка фокуса, к которой должен быть устремлен наш духовный взор, потому что, стараясь все направлять к славе Божией, мы никогда не споткнемся. Как для Господа Иисуса Христа целью Его пришествия в мир было прославление имени Бога

Отца (Ин. 7:18, 17:1), так и Его последователи — христиане должны научиться все свои мысли, желания и поступки направлять к славе Божией. "Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию", — наставляет апостол (1 Кор. 10:31).

Установив таким образом, что Бог есть высшее и абсолютное Благо и только от Него льются струи света и жизни, мы можем теперь поставить в правильную перспективу разные ценности жизни. Каждый человек чего-то желает и к чему-то стремится. Кто больше всего ценит счастливую семейную жизнь, кто карьеру, кто богатство, кто разные удовольствия. И этим своим истинным или мнимым благам они отдают все свое время и силы, трудятся, спешат, куда-то несутся, как одурманенные. Если же теряют что-либо или терпят несправедливости, то огорчаются и ссорятся с другими, иногда идут на преступления. Они не понимают, что престижные предметы и житейские преимущества, которые их так волнуют и которым они отдают столько сил, фактически ничтожны в сравнении с духовными благами, которых они не замечают и понапрасну теряют.

Сознание того, что именно Бог и только Он един есть высшее, абсолютное Благо и источник всякого блага, помогает человеку освободиться от жизненного дурмана и увидеть все происходящее в правильном свете. Здоровье — хорошо, и богатство не запрещается. Успех в делах, счастливая семья, невинные радости и другие блага жизни посылаются нам для того, чтобы мы благодарили

Бога, научились подражать Богу в Его благости, научились любить ближних. Если Бог чего-либо не посылает нам или даже отнимает, значит так лучше: Ему виднее, что нам нужно. Главное же для всех — это познавать Бога и духовно приближаться к Нему, второе — посильно содействовать укреплению и распространению царства Добра. Отнимая разные временные блага, Господь учит нас спокойно относиться к ним, как к малым и незначительным. Надо не забывать благодарить Бога, когда Он посылает нам Свои милости и не роптать, когда отнимает что-либо. Ведь если, по слову Спасителя, даже волосы на голове нашей сочтены Богом, тем более важные события в нашей жизни управляются Его милостивой десницей. Когда мы научимся так смотреть на вещи, тогда мы избавим себя от многих лишних огорчений и каждое обстоятельство будет содействовать нашему благу и благу людей, с которыми мы соприкасаемся.

На противоположной стороне ценностей находится область нравственного зла, которая начинается с предпочтения меньшего блага большему. Когда человек личную выгоду противопоставляет благу ближнего или домогается славы себе за счет славы Божией, тогда он становится на опасный путь. Конечно, единичные ошибки неизбежны, и на них мы учимся. Но когда такая деятельность становится нормой жизни, когда человек принципиально меньшее благо противопоставляет большему, тогда он становится на путь зла. Как нет конца духовному совершенствованию, так и нет

предела нравственному падению. Чем больше нравственно-свободное существо удаляется от высшего Блага, тем больше беднеет оно, потому что оно растрачивает данное Творцом внутреннее богатство. Зло начинается от сознательного выбора, но чем дальше человек или духовное существо идет в сторону зла, тем несвободнее он делается. Зло порабощает всякого, кто служит ему, — такова его природа.

Хотя абсолютное зло, как и абсолютный нуль температуры, недостижимо, однако постоянно повторяемые безнравственные поступки низводят человека (как некогда падших ангелов) к своего рода "черной дыре", (астрономический объект настолько массивный, что ничто, даже свет, не может вырваться из его поля притяжения). Здесь происходит своего рода "материализация" зла. Эта "тайна беззакония" состоит в том, что демоны и закоснелые грешники доходят до такого извращения, что они начинают получать удовольствие, делая зло или причиняя боль другим. Одновременно с этим все большее отчуждение от Бога постепенно переходит в жгучую ненависть к Нему и к Его царству Добра.

Таким образом то, что началось, с казалось бы, невинного желания личного удовольствия или жажды славы, если вовремя не остановить, вырождается в сознательное предпочтение зла и ведет к утрате всех заложенных Богом добрых качеств. Человек (или падший ангел) чем более грешит, тем более тупеет, становится импульсивнее, беспорядочнее, разнузданнее, неукро-

тимее в ненависти. Злоба, как адский пламень, все больше пожирает его. Старец Зосима говорит в "Братьях Карамазовых:" "[Бесы] "ненасытны во веки веков, и прощение отвергают, и Бога, зовущего их, проклинают. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил Он и Себя, и все созданное Им. И будут они гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получат смерти".

Заключение

Итак, страдания неизбежны в этой временной жизни. Они, с одной стороны, — следствие нашей личной греховности, нравственной испорченности других и общего несовершенства этого временного мира. С другой стороны, в руках премудрого промысла Божия скорби становятся орудием вразумления и исправления. Два разбойника, распятых с Христом, олицетворяют две категории людей. Все люди грешны и все страдают в большей или меньшей степени. Но одни люди, подобно разбойнику ропщущему, распятому по левую сторону от Христа, чем больше страдают, тем больше озлобляются, и скорби не приносят им пользы. Другие же, подобно благоразумному разбойнику, сознают, что они заслуживают наказания и смиренно просят у Бога прощения и помощи. При таком настроении их житейские скорби вменяются им в страдания ради Господа, и их личный крест

преобразуется в Крест Христов. Это служит к их духовному обновлению и спасению.

И таков духовный закон, что не только терпеливо принимаемые страдания, но всякое духовное усилие вообще, всякое добровольное лишение, всякий отказ, жертва — трансформируются в богатство внутри нас. Парадоксально, но действительно так: чем больше мы теряем внешне, тем больше приобретаем внутренне. Вот почему "трудно богатым войти в Царствие Небесное", — потому что в них не совершается этой замены на небесные, нетленные блага. Мужественные души инстинктом ищут подвига и крепнут в отречениях. Это замечали еще древние философы.

Радостями надо уметь пользоваться. Они, как и богатство или слава, расслабляют, делают человека самонадеянным, легкомысленным, надменным.

При этом скорби и радости — это чисто субъективные состояния. Праведник страдает, когда видит гибель грешников, сами же грешники радуются, получая удовольствие. Безбожник скорбит, видя успех веры, праведник же радуется этому. Блаженны мы, если страдаем по тем же причинам, по которым страдал Господь наш Иисус Христос, Его апостолы и святые, потому что станем участниками и их радости.

Существуют страдания, которые можно назвать суетными и излишними, которые возникают от маловерия, от неправильного образа мыслей. Иногда человек сам измышляет себе страхи

и волнения и ходит расстроенным даже при самых благоприятных условиях.

Необходимо все в жизни поставить на правильное место, научиться отчетливо отличать главное от неглавного, основное от менее ценного. Для этого необходимо понять и прочувствовать, что Бог есть высшее благо и источник всякого блага.

Есть и высокая радость. То радость о Господе, радость апостолов и святых. Это не мирская радость. Мирская радость начинается удовольствием, а кончается скорбью, радость же святых начиналась скорбью, а кончалась удовольствием. Апостолы и мученики были бичуемы и радовались о Господе; были заключенными и благодарили; были побиваемы камнями и проповедовали. Радующийся мирскому не может радоваться о Боге.

Земное счастье: любовь, семья, молодость, здоровье, наслаждение жизнью, природой — это тоже "добро есть", и не надо думать, что Господь осуждает людей за это. Плохо только стать рабом своего удовольствия, пренебрегая высшими духовными благами. Страдания, с точки зрения внутреннего роста, ценны не сами по себе, а только по своим результатам. Теряя земное счастье, человек становится лицом к лицу с высшими ценностями, начинает иными глазами смотреть на себя и на свою временную жизнь, обращается к Богу. Отсюда следует, что земное счастье, связанное со всегдашней памятью о Боге, не исключающее напряженной духовной жизни, — есть безусловное добро. Подобным образом и страдания, если они

озлобляют или принижают человека, не преображая его, не давая благотворной реакции, — есть сугубое зло.

Благо нам, если мы сами вовремя внутренне освободимся от широких путей мира сего, если ни радости жизни, ни богатство, ни удача не заполнят наше сердце и не отведут его от главного. В противном случае Господь в гневе Своем сокрушит идолов наших: богатство, комфорт, карьеру, здоровье, жажду земного счастья — чтобы мы поняли, наконец, что они ничто!

Молитва скорбящего
Псалом 142-й

Господи! Услышь молитву мою, внемли молению моему по истине Твоей. Услышь меня по правде Твоей, и не войди в суд с рабом Твоим, ибо не оправдается пред Тобой никто из живущих. Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как от века умерших. И уныл во мне дух мой, смутилось во мне сердце мое. Вспомнил я дни древние, размышлял о всех делах Твоих, вникал в творения рук Твоих. Простирал к Тебе руки мои: душа моя стремится к Тебе, как земля безводная. Скоро услышь меня, Господи: исчез дух мой. Не отвращай лица Твоего от меня, а иначе я уподоблюсь сходящим в могилу. Возвести мне с утра милость Твою, ибо на Тебя уповал.

Покажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе я вознесся душою моею. Удали

меня от врагов моих, ибо я к Тебе прибег. Научи меня исполнять волю Твою, ибо Ты — Бог мой. Дух Твой благий поведет меня в землю правды. Ради имени Твоего, Господи, даруешь мне жизнь; по правде Твоей изведешь из печали душу мою. И по милости Твоей истребишь врагов моих и погубишь всех угнетающих меня, ибо я раб Твой.

Священник Андрей Дудченко

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЗЛО?

Каждое утро продавцы «массовых» газет в метро выкрикивают заголовки очередного номера. И, как правило, эти заголовки носят устрашающий характер. Сообщения об убийствах, ограблениях, катастрофах, стихийных бедствиях и прочих ужасах лавиной обрушиваются на нас. Но оставим сейчас в стороне вопрос, какую цель преследуют издатели газет, столь щедро снабжающие читателя негативной информацией. Мы и сами на своем личном опыте знаем, как много в мире зла, как трудно бороться с ним. «Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю...» — свидетельствует внимательный к себе ап. Павел (Рим. 7:15,19). Каждый мыслящий человек наверняка задумывался о том, почему в мире существует зло и каковы пути его преодоления. Этот вопрос жизненно важен для каждого, тем более для христианина. В самом деле: как совместить бытие всеблагого Бога и существование зла? Как объяснить присутствие зла в мире, сотворенном Богом благим, в котором все творение хорошо весьма (Быт. 1:31)?

Христианский писатель Лактанций, живший на рубеже IV века, так сформулировал эту проблему: «Либо Господь хочет искоренить зло, но не

может этого сделать. Либо Он может это сделать, но не хочет. Либо же Он и не может и не хочет этого. Если Он хочет, но не может, значит, Он бессилен, а это противоречит Его природе. Если Он может, но не хочет, то Он зол, что тоже противоречит Его природе. Если же Он и не хочет, и не может, Он одновременно зол и слаб, и, таким образом, не может быть Богом. Но если Он это хочет и может, что единственно соответствует тому, чем Он является, то откуда берется зло и почему Он его не искоренит?».

Мы часто слышим или сами задаем себе вопрос: что такое зло? Но так спрашивать неверно, потому что такая постановка вопроса уже предполагает, что зло есть «нечто». Ставя вопрос таким образом, мы склонны искать в мире какую-то злую сущность, некое «злое начало». Такой ход мысли соответствует не христианству, а дуализму — доктрине, согласно которой в мире изначально действуют две равные силы. Доброе и злое начало управляют миром, как бы раздирая его на части. Христианской мысли на протяжении истории часто приходилось (вплоть до сего дня) сталкиваться с проявлениями подобных учений. За примером не надо далеко ходить. Так, в брошюре «Как защититься от чародейства» напечатана так называемая «молитва от чародейства», в которой есть слова: «...аще кое зло замыслено или содеяно есть, возврати его паки в преисподнюю». Автор этой молитвы представляет зло как некую злую природу или энергию, существующую саму по себе. Но для христианина такие представления являются

ложными: у Бога нет соперника; не существует природы, которая была бы чужда Ему.

Православное богословие иначе видит причину существования зла. Прежде всего, необходимо помнить, что Бог зла не творил. Зло не находится в ряду прочих сотворенных вещей. Оно не изначально, не совечно и не равно Богу. Зло вообще не является какой-либо «сущностью», потому что не существует как самостоятельная реальность. Отцы Церкви считают, что зло не существует само по себе, оно — только лишение бытия. Подобно тому, как тьма или тень — всего лишь отсутствие света, так и зло есть лишь отсутствие добра. Согласно свт. Василию Великому, «зло — не живая одушевленная сущность, но состояние души, противное добродетели и происходящее... через отпадение от добра. Поэтому не ищи зла вовне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый пусть признает самого себя виновником собственного злонравия». Бог не сотворил ничего злого: и ангелы (в том числе падшие), и человек, и весь мир по природе добры и прекрасны. Зло — это недостаток, несовершенство, то, чего не хватает природе, чтобы быть совершенной.

Тем творениям, которым Бог даровал личностное бытие (ангелам и людям), Он дал и свободу воли. Эта свобода в результате неправильного выбора (грех-hamartia с греч. — промах мимо цели) порождает зло. Таким образом, начало зла коренится в неправильном использовании свободы. Зло — не природа, но состояние природы. Оно,

как паразит, существует лишь за счет той природы, на которой паразитирует. Оно есть определенное устремление воли этой природы — устремление, ложное по отношению к Богу. Это бунт против Бога в результате личного выбора. «Зло — не есть, — пишет прп. Диадох Фотикийский, — или вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают». А свт. Григорий Нисский подчеркивает всю парадоксальность ситуации: тот, кто подчиняется злу, существует в несуществующем.

Итак, зло не обладает ни сущностью, ни бытием. Однако мы повсеместно встречаемся с проявлениями некоей разрушительной силы. Связано это с тем, что, не обладая само по себе бытием, зло становится реальностью в лице падших существ. Потому для христианина проблема зла сводится к проблеме «лукавого». «Избави нас от лукавого» — так звучит вопль нашей тревоги в Молитве Господней. «Лукавый» — это личность, это «некто», а не «нечто». Его природа не может быть определена как «лукавая», потому что она сотворена Богом и, следовательно, добра. Не будучи изначально злым, он является носителем не-жизни, мертвящего устремления к небытию.

Зло первоначально появилось в ангельском мире. Мы не знаем в точности всех подробностей этой катастрофы. Родоначальник зла — сатана — первоначально был добрым и наиболее близким к Богу ангелом, но затем «по самовластному произволению изменился из естественного в противоестественное, возгордился против сотворившего его Бога, захотел воспротивиться Ему, и первый,

отпав от Бога, очутился во зле» (прп. Иоанн Дамаскин). Грех одного ангела вводит в мир зло. Этот грех — гордость, бунт против Бога. Тот, кто был первым призван к обожению по благодати, возненавидел благодать, захотел стать богом сам по себе. Первый грех — это жажда самообожения.

Родоначальник греха и последовавшие за ним ангелы (ставшие демонами) оказались во тьме по собственной воле. Таков оказался результат их выбора. Свобода воли была дана личностным существам для того, чтобы они могли свободно приобщаться к Богу, устремляясь к Нему в любви, чтобы добро не оставалось для них чем-то внешним, но становилось собственным достоянием. Если бы добро навязывалось Богом, то ни одно существо не могло бы быть названо свободной личностью. «Спасение для желающих, а не для насилуемых», — говорит свт. Григорий Назианзин. «Никто никогда не стал добрым по принуждению», — вторит ему прп. Симеон Новый Богослов.

«Почему же тогда Бог не сотворил мир сразу в обоженном состоянии, в котором отсутствовали бы все формы зла?» — спросит нас заинтересовавшийся читатель. Дело в том, что обожение разумных личностных творений есть пребывание с Богом и в Боге вследствие любви. Это взаимопроникновение Творца и твари, вселение Бога в наши сердца как результат взаимной любви. Для того, чтобы обожение совершилось, необходимо, чтобы творение могло ответить на любовь Бога. Свобода предполагает и возможность отказа, поэтому дар свободы опасен: не отвечая любовью, тварь

обрекает себя на вечное ниспадение в небытие. Но без этого дара все существа были бы как «зомби», исполняли бы волю Божию не в силу доброго устремления, а просто в силу природы, устремлялись бы к Богу подобно тому, как железо притягивается к магниту. При таких условиях невозможно говорить ни о какой любви. Понятно теперь, из-за чего зло не искоренено до сих пор. Этого нельзя сделать, не отнимая свободы, которая, при правильном ее использовании, является нашим самым ценным достоянием и условием обожения.

В то же время, нельзя утверждать, что зло совершенно неподвластно Богу. Господь может положить предел злу и обратить его во благо людям, всегда соразмеряя Свою помощь с тяжестью испытания. «Вас постигло искушение не иное, как человеческое, — пишет ап. Павел Коринфским христианам; — и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10:13). «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Христианин мужественно встречает испытания, помня о том, что при страданиях Господь посылает и силы для их преодоления. Поэтому страдания — не настоящее зло; они — не более, чем болезненные процедуры, прописываемые врачом. Сщмч. Ириней Лионский поясняет, что болезни и смерть — не беззаконные кары, наложенные Богом на провинившегося человека, но логическое следствие греха. «Всем тем, кто добровольно отделяет себя от

Него, Он налагает отделение, которое они сами избрали... Преследующее же их наказание заключается уже в том, что они лишены всех благ».

Настоящее зло — это только грех. «Зло, настоящее зло — это блуд, прелюбодеяние, скупость и все прочие бесчисленные грехи, которые заслуживают осуждения и самых суровых кар. Во-вторых, зло — в несобственном смысле слова — это голод, язва, смерть, болезнь и все прочие бедствия в том же духе. Но на самом деле это не является реальным злом, всем этим явлениям лишь придается такое название. Так почему же это не зло? Если бы они были злом, они не являлись бы для нас причиной стольких благ — а они уменьшают гордость, освобождают нас от безразличия, вкладывают в нас силу, оживляют внимание и усердие. ...Часто, когда Он замечает, что наша природа находит удовольствие в процветании и кичится этим, и допускает порочной гордости одержать над собой верх, Он использует нужду, голод, смерть, все прочие страдания в качестве известных Ему средств, чтобы освободить нашу природу от болезни, ее пожирающей». В этих словах свт. Иоанн Златоуст провозглашает универсальный принцип. Все, что происходит с человеком, в конечном итоге приводит ко благу. И поэтому все, что Бог попускает, достойно такого же почтения, как и то, что Он дарует.

Священник Артемий Владимиров

БОЛЕЗНИ И СКОРБИ

Внимательные наши читатели помнят, какой вопрос мы задавали им, повествуя о первых невинных слезах новорожденного младенца. Несомненно, что с ними сопряжена тайна человеческого бытия на земле. О чем плачет младенец, выйдя из чрева матери, что он тужится выразить своим жалобным и надрывным стенанием? Не предчувствует ли он те самые болезни и скорби, которые стали присущи человечеству с тех пор, как наш общий праотец Адам, согрешив, утерял райское блаженство, а семя греха проникло в сердца всех его потомков и соделало их смертными? А может быть, дитя, только что появившееся на свет Божий, выражает своими слезами нужду в Искупителе, Господе Иисусе Христе, который и воплотился, чтобы отереть всякую слезу с очей рабов Своих и, победив грех и смерть, возвратить им благодатное бессмертие? Наконец, не желает ли перводневное дитя поведать всем, что единственный путь в Небесное Отечество есть покаяние? «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», — подтверждает правоту этих вещих слез Слово Божие.

Как бы то ни было, но скорби — неизменный спутник всех, кто рожден на земле матерью, — по премудрому Промыслу Божию обращены Христом в спасительное лекарство, врачующее недуги грешного человеческого сердца.

Многие из Евангельских событий имеют отношение ко всем нам. Вы знаете, что Христос Спаситель был распят на горе Голгофе, находившейся близ Иерусалима. А по обе стороны от Господа терпели мучения на своих крестах два разбойника, осужденные за беззакония. Говорят, что эти двое символизируют весь человеческий род. Один, распятый ошуюю, то есть слева, хулил и поносил Христа вместе со стоявшими у подножия Креста ослепленными злобой книжниками и фарисеями. А другой (его называют благоразумным), распятый одесную, справа, пораженный Божественным величием и кротостью Страдальца, уразумел, что это был не подобный им грешник, но Сам Искупитель, Мессия, и воскликнул с великой верой: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» Он удостоился обетования Христа: «Ныне же будешь со Мною в раю». Вскоре римские воины обоим разбойникам перебили голени, и они испустили дух. Один, озлобленный хулитель Господа, сменил временные страдания на вечные, а другой, разбойник благоразумный, первым из всех людей вошел в рай и стал гражданином Небесного Иерусалима в награду за веру и глубокое покаяние во грехах своих.

Нет на земле человека, вовсе чуждого страданий. Бог, из любви к погибающим созданиям, стал человеком и, невинный, взошел на Крест, принес Себя в жертву за грехи людей, испив чашу страданий, которую должен бы пить каждый из нас. Искупление свершилось! Ныне воскресший Христос каждому подает чрез веру, покаяние и кре-

щение животворящую благодать Святого Духа. Те страдания, которые раньше были безысходными, ибо оканчивались смертью и сошествием всех людей во ад, теперь, после смерти и воскресения Христа, взявшего на Себя все наши недуги, болезни и скорби, соделались средством к вечному спасению. Облегченные Христом, умягченные благодатью Духа Святого, они служат на земле испытанием нашей веры и верности Небесному Отцу. Бог — не виновник наших страданий, но мы собственными руками созидаем тот жизненный крест, который каждому из нас подобает нести с великим терпением и благодарностью Богу за Его всегдашнюю помощь.

Нет наверное, на земле участи страшнее, нежели ропот, подобный хуле разбойника, распятого слева от Господа. Наказанный справедливо, имея на совести нераскаянные грехи, он озлобился, и оттого мучения его стали непереносимыми. Вместо того, чтобы обратиться в мольбе к Небесному Богу с покаянием, разбойник допустил еще один ужасный грех — похулил невинного Создателя! После этого душа его совершенно помрачилась и добровольно соделалась пленницей ада. Да избавит нас Милосердный Господь от такого конца.

Вот почему, дорогие и благочестивые читатели, никогда, ни при каких обстоятельствах, даже самых трагичных, не будем допускать и тени недовольства или ропота на Промысл Всемилостивого Бога. Как бы нам подчас ни было тяжело, томительно и больно — да не теряем надежды. Но обратим мысленный взор на распятого за нас Иску-

пителя с детской мольбой: «Господи, достойное приемлю за грехи свои, но прости, помоги и помяни меня во Царствии Своем!» С глубокой верой и крепкой надеждой произнесем эти слова — и придут на сердце мир и отрада. Сам Господь облегчает скорби Своей спасительной благодатью. Утвердимся в молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя (меня) грешного!» — и ощущение безысходности рассеется, как дым, нам дано будет осознать близость Христа и уразуметь смысл претерпеваемых страданий. Прибегнем к неиссякаемому источнику мудрости и подлинного боговедения, нашим русским пословицам и народным изречениям. «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог». Действительно, бывает, что огрубевшее человеческое сердце уподобляется пересохшей и растрескавшейся почве, которая уже не способна впитать в себя дождевую влагу. В таких случаях надобна кирка или мотыга, сильными ударами которой земледелец сумеет разрыхлить и размягчить землю, сделавшуюся камнем. И Небесный Врач наш, «не желающий смерти грешника, но только бы тому обратиться и быть живым», употребляет иногда такой Божественный заступ, который мы именуем на земле скорбью. Нащ народ называл раньше болезнь «посещением Божиим». Когда разбил тебя недуг и внезапно ты заболел, лишился обычной для тебя жизнедеятельности, не ропщи: «За что и почему со мной это случилось?» Не требуй, друже, отчета у Господа, но лучше смирись под Его крепкой рукой. Найди в себе мудрость и мужество возблагодарить Создателя в этот

час, и Он не оставит тебя без вспоможения. Тот же, кто исследует глубины совести своей, находит и сокровенную причину происходящего с ним.

Мы, священники, знаем, какая решительная и вместе благотворная перемена совершается с болящим! Еще вчера он и думать не хотел о Боге, покаяние считал чем-то несерьезным, а о грехах своих говорил лишь в шутку. А сегодня и кается, и молится, и постится, благоугождает Своему Владыке, осознав в единочасье, что в Его руках — наша жизнь и выздоровление!

Итак, скорби глубоко смиряют человеческую гордыню, вытравляют из нас самодовольство, надменность и возвращают нам блаженное, радостное, детское состояние души — сознание собственной немощи, а вместе и дерзновенную веру, что Вселюбящий Отец не останется непреклонным и в ответ на наше покаяние, исповедание и смиренную молитву подаст со временем и облегчение.

Большие и малые неприятности, скорбные обстоятельства нашей жизни попускаются Богом и для нашего испытания. Всякого испытывает Господь, и праведного, и грешного — одного, чтобы утвердить в добром расположении души и увенчать венцом терпения, другого — для вразумления и осознания своих грехов.

«Господи, благодарю Тебя за все, что у меня есть, и трижды — за то, чего у меня нет». Поистине премудрая молитва! Благодарение и за благое, и за скорбное в нашей жизни есть великая добродетель. Если не хочешь болеть — сам не вреди себе

по легкомыслию или неосторожности и больше благодари Господа за бесценный дар здоровья. Те из наших читателей, которые уже почтенны возрастом, согласятся со мной: мы начинаем вспоминать о здоровье большей частью тогда, когда его потеряли. «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Посему не упускай ни одного дня, чтобы поблагодарить Господа за Его великие дары: юности, крепости, здоровья. И Он, увидя признательную и благоговейную душу, прибавит тебе от Своих щедрот, укрепит и душу и тело, указав, как лучше распорядиться всем этим богатством во славу Божию и с пользой для людей.

Если же болезнь не оставляет, не унывай, но чаще повторяй такую молитву: «Господи помилуй, Господи прости, помоги мне, Боже, крест мой донести!» Умудренные Духом Святым наставники благочестия свидетельствуют, что в наши трудные времена христиане преимущественно спасаются мирением, терпением скорбей и благодарением. Болезнь, претерпеваемая с благодарением, вменяется в мученичество и ходатайствует о вечном спасении терпеливца на небесах.

«Претерпевший до конца, тот спасется», — благословляет нас Спаситель на выдержку и благодушие. Последнее заключается в том, чтобы видеть во всех, даже скорбных обстоятельствах, светлую сторону и утешать себя тем, что ничего не свершается с нами без воли Божией. Святитель Игнатий Брянчанинов, праведник XIX века, говорил: обилие скорбей для христианина — несом-

ненный знак избранничества Божия и милости Господней к человеку.

Премудро устроено Богом, что жизнь наша не бывает соткана только из радостей или исключительно из скорбей. Но радость сменяет скорбь, а вслед за скорбью приходит и утешение. Как бы то ни было, будем учиться все принимать с благодарностью, памятуя, что без воли Божией ни единый волос не упадет с головы нашей.

О терпении скорбей, ведущих к очищению души, написаны, друзья мои, целые книги. И мне невозможно исчерпать все, что относится к этому предмету. Предвидя некоторые ваши вопросы, постараюсь в нескольких кратких предложениях ответить на них. Привожу эти ответы не от себя, не от своего то есть ума, а сообразуясь со Священным Писанием и изречениями святых отцов.

Не искушай Господа твоего и береги свое здоровье для служения Богу и ближним.

Врача не отвращайся, но прежде чем лечиться, помолись Богу, дабы Он благословил ум и руки его на успешное врачевание.

Иногда недуги детей служат к обличению и вразумлению грешных родителей. Родительское покаяние и исправление жизни — залог благополучия их чад.

Бывает, что Господь забирает из земной жизни невинных младенцев, избавляя их от грехов юности и даруя им дерзновенное предстояние Престолу Божию.

Много тайн у Господа — и иные вопрошения наши найдут разрешение лишь в день Страшного

Суда. «Что Бог творит, никому не говорит». «Премудрость Вышнего Творца не нам исследовать и мерить, смиренным сердцем будем верить и терпеливо ждать конца».

Как тает горящая свеча на подсвечнике, так приближается к своему концу и земная жизнь наша. И чем ближе к старости, тем больше немощей и недугов подкрадывается к нам. Хорошо зная это, богомудрый царь Давид молился Живому Богу: «Не отвергни меня во время старости; когда будет оскудевать сила моя, не оставь меня!»

Пожелаем же себе и друг другу, о читатели наши, старости маститой, если Господь даст дожить нам до преклонных лет. Пусть тогда наши седины будут свидетельством не только преклонного возраста, но и умудренности от благодати Духа Святого.

Помоги нам, Милосердный Создатель, так разумно распорядиться краткими днями жизни нашей, чтобы покаянием и молитвой победить злые страсти, восстающие на нас, войти в меру возраста Христова и достигнуть блаженного бесстрастия. Не попусти, Господи, старческим немощам тогда столь возгосподствовать над нами, чтобы они стали препятствием к благоугождению и служению Тебе. Сохрани нам ясное разумение и бодрость сердца, укрепи телесные члены наши, да поработаем Тебе до дней последних в покаянии и вере, радости и любви, и помяни нас, когда приидешь во Царствие Твое. Аминь.

Александр Иванов

ХРИСТИАНИН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Если бы вы были от мира,
то мир любил бы свое;
а как вы не от мира,
но Я избрал вас от мира,
потому ненавидит вас мир.
(От Иоанна 15,19)

В былые времена христиан умерщвляли за одно исповедание Иисуса Христа Богом. На протяжении первых трех веков существования христианства жесточайшим гонениям подвергались последователи этого учения. Тысячи мучеников и исповедников, мужчины и женщины, старики и младенцы, нищие и богатые, шли на пытки и смерть, но не отрекались от своей веры. Для устрашения народа устраивались бесчисленные публичные казни, но число христиан росло с каждым днем. И жестокий языческий мир был побежден христианским смирением, кротостью и любовью.

Сегодня христиан никто не преследует, их не лишают гражданских прав и свобод. Но, вот, мы попадаем на обед к сослуживцам, и отчего-то не поднимается рука даже просто перекреститься перед приемом пищи. Смотрим с друзьями телевизор, по которому начинается, скажем, неполез-

ный фильм, внутренне возмущаемся, но неведомая сила приковывает нас к креслу и не дает уйти. Проходим мимо православного храма, рука наливается свинцовой тяжестью, и мы не в силах ее поднять, чтобы сотворить крестное знамение. Что с нами происходит? Неужели мы, истово верующие наедине с собой и в храме, боимся обнаружить свою религиозность перед посторонними, словно стыдимся своей веры?

Да, мы боимся. Боимся насмешек и косых взглядов, боимся, что нас сочтут отсталыми, что за нашей спиной будут "понимающе" переглядываться. Мы стараемся быть как все. Но где мы живем? Каков он, современный мир, чем живет, к чему стремится? Можно ли примирить христианские идеалы с ценностями современного мира? "Мы не соответствуем обычаям мира сего, а если и соответствуем им в сегодняшнем мире, то мы уже не являемся подлинными христианами. Подлинный христианин не может чувствовать себя своим в миру и не может не казаться себе и другим немного "тронутым". Это слова замечательного проповедника и ученого, иеромонаха Серафима (Роуза) (1934 — 1982). Несовместимость православного христианства и современного мира видна невооруженным глазом. Мир эгоцентричен, а в основе христианства лежит самопожертвование. Мирской человек живет для себя, христианин же должен отречься от самоугождения ради служения ближнему. Мир и истинное христианство полярны, и возможность их сочетания — только иллюзия.

В первые века существования христианства

люди четко делились на гонимых и гонителей, мучителей и мучеников. Сегодня в любви к христианству объясняются все. Политики сдабривают свои выступления библейскими цитатами, интеллигенция рассуждает о высоких идеалах православной культуры, экстрасенсы, целители и колдуны в перерывах между сеансами посылают людей в храм поставить свечку, средства массовой информации рассказывают о церковной жизни. Но, при всей видимости столь лояльного отношения к христианству, мир стремится загнать его в рамки «культурного наследия», действующего музейного экспоната. И лишь стоит человеку принять евангельские заповеди, как руководство к действию, и попытаться изменить свою жизнь, как он тут же теряет свою нормальность в глазах общества, на него начинают показывать пальцами, его жалеют, над ним посмеиваются. Здесь нужно большое мужество, чтобы не сломаться, не отступиться от своей веры, не отречься от Христа. Это подвиг, сродни подвигу первых христианских мучеников и исповедников.

В чем же заключается "ненормальность" христианина? Представим себе такую ситуацию, человек стоит перед выбором: сказать правду или солгать. Если он скажет правду, например, признается в своем неблаговидном поступке, его ожидают различные неприятности, это осложнит его жизнь, а, возможно, и жизнь его близких. Если же он солжет, то никому от этого хуже не станет, никто ничего не узнает, жизнь пойдет своим чередом, все останутся довольны. Как поступит нормаль-

ный, порядочный человек? Он все взвесит, убедится, что эта ложь безобидна для окружающих, что другого выхода нет и, чуть поколебавшись, скроет правду. Чуть поколебавшись... Что-то заставит его на миг усомниться в своей правоте. Слабый протест совести прозвучит из тайников души, но тут же умолкнет под железными доводами холодного рассудка.

Знакомо, не правда ли? Сколько раз мы так поступали со своей совестью! Нам не нравились ее прямота и неподкупность, ее суровые, нелестные приговоры, и мы всячески прекословили ей и просто глушили ее голос, когда доводов не хватало. Назовем ли мы себя бессовестными, лжецами, лицемерами? Нет, мы честные и порядочные люди. Притворяемся? Обманываем? Лукавим? Так ведь не со зла, а лишь по крайней необходимости, в житейских мелочах, которые не стоят внимания. А в остальное время мы остаемся поборниками истины. Такая двойная мораль, такое криводушие является общепринятой нормой отношений в современном мире, где стало возможно сочетать любовь к человечеству с ненавистью к соседу за стенкой. Может ли христианин принять эту норму?

Зараженный ложью и лукавством мир склонен рассматривать христианство, как свое произведение, примеряет его на свою мерку. В христианских добродетелях он видит лицемерие и корысть, в самом же христианстве — попытку уйти от суровой будничной реальности. Мир презирает тот фальшивый образ христианства, который сам со-

здал. Презирает и... завидует тем странным людям, которые имеют смелость плыть против течения, жить по правде, не оглядываясь на мнения других, завидует тем, которые дерзают быть счастливыми, не участвуя в житейской погоне за счастьем.

Мир раздражает "неуместная" правдивость христианина в словах и поступках, нередко порождающая конфликтную ситуацию, которой можно было бы избежать ценой лжи. Христианином же руководит не слепая преданность букве религиозной морали, а стремление жить по совести. Целостность внутреннего мира, целостный образ мысли (целомудрие) предпочитается внешнему благополучию. Отсюда странные, "неразумные" поступки, непонятные для окружающих. Отсюда соответствующее отношение к таким христианам.

Быть христианином сегодня, значит быть исповедником. Не тот исповедник, кто кричит о своей вере и навязывает ее окружающим, а тот, кто сам старается жить благочестиво, не подстраивается под законы и нравственное состояние общества, не совершает сделок с совестью и не оправдывает свои недостатки порочностью окружающих. Быть исповедником, значит сохранять единство слов, дел и помышлений как в обществе единомышленников, так и за церковной оградой. О. Серафим (Роуз) писал: "Или ты православный в любое время каждого дня, в любой жизненной ситуации, или же ты на самом деле вовсе не православный. Наше православие открывается не только в наших строго религиозных взглядах, но во всем, что мы дела-

ем и говорим. Большинство из нас почти не осознает христианской ответственности за мирскую сторону нашей жизни. Человек же с подлинно православным мировоззрением любую часть своей жизни живет как православный..."

Перед лицом вечной Истины и вечной жизни "будем ли бояться, что в миру к нам станут относиться, как к несколько "тронутым"? Будем же продолжать хранить христианскую любовь и прощение, которые мир никогда не сможет понять, но в которых он в глубине сердца нуждается и которых даже жаждет".

"Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша" (1 Ин. 5,4).

Архимандрит Сергий (Савельев)

СЛОВО О СТРАДАНИИ И СОСТРАДАНИИ

Сегодня я расскажу о нашей беседе, вернее о моей беседе, беседе отца с сыном.

Сын спросил меня: "Отец, а какой дар имеет сострадание, которое люди не изживают?" И сказал, что в каждом человеке есть дар Божий. И говорил, что в каждом человеке есть правда, частица Правды Божией, искра Божия. "Но какой же дар Божий имеет сострадание?" "Сын, ты мне задал вопрос, который многих волнует, многих смущает и многим приносит тяжелые переживания. Без страданий жить невозможно. Спаситель сказал: "В мире сем скорбни будете". Если вы видите человека, живущего без скорби, не знающего страданий, не осуждайте его, но вздохните о нем поглубже, ибо этот человек не знает сам, куда он идет.

Скорби — самые разнообразные. Страданий бесконечно много. И великие страдания, и малые страдания. И от болезней, и от тесноты жизни в семейных ли условиях, или от недостатка материального, или от тоски душевной, или от каких-нибудь болезней. Ведь мы говорим, что человек страдает запоем. Обратите внимание вот на это. Мы говорим — страдает запоем. И когда мы так говорим, мы как бы сочувствуем ему. В то же время

мы знаем и другое слово, которое произносим тогда, когда у нас терпение иссякло. И мы говорим: "Человек — пьяница". Говоря так, мы уже погрешаем, мы бросаем камень, последний камень в человека, который едва стоит на ногах. А когда говорим "страдает запоем", тогда мы как бы вместе с ним сострадаем.

Вот вчера я услышал от одного своего любезного, дорогого сына такие слова: "Ты знаешь, отец, как я страдал, когда меня угнетал запой. Я брал стакан с вином и со слезами обращался: "Господи, спаси меня", а сделать ничего не мог. И выпивал его". Я вам об этом говорю для того, чтобы вы поняли, что никогда нельзя осуждать человека, нужно всегда ему сочувствовать, сопутствовать и вместе с ним пороком этим как бы подавляться. Но не подавляться, а, согнувшись вниз, приподняться и с Божьей помощью вместе встать и победить искушение. Апостол Павел говорит: "Все мне можно, да ничто не обладает мною". Если что-нибудь обладает нами, то мы должны это отвергнуть.

Я говорю о страданиях. Может быть, мне и не удастся высказать вам все, что хотелось бы, потому что страданиями переполнена жизнь, и нам надо научиться слышать эти страдания. Тот, кто живет беспечно, тот, кто живет с довольствием, — Бог с ним, пусть он так живет, нам с ним не по пути. Нам по пути с теми, кто воспринимает именно страдания человеческие, их принимает в свое сердце, их топит в своей, не в своей, а в Христовой любви. Вот жизнь, достойная человека. Я не знаю, что мы сделали с человеческой жизнью. Я

просто не понимаю иногда. Мы — как безумные. Белое — мы говорим черное. Черное — мы говорим белое. Вот так мы и живем, ходим, так и в семьях своих, и где угодно. Так и в отношении страдания. Страдания — их надо всегда слышать, ибо тот, кто страдания слышит, тот оттягивает к себе, к себе зло мировое.

Дорогие мои! Не удивляйтесь тому, что я вам говорю. Вы можете слышать больших людей, великих людей, их прославляют на всех перекрестках, они кричат, шумят, славословят; когда они умирают, за ними толпы людей идут, над могилами их ставят памятники. Не то, не то. Вы пойдите, послушайте. Вы послушайте, где стонет душа человеческая, где стонет она, беспомощная, беззащитная, где стонет она, и в стоне своем взывает к Богу. Она только в Нем одном имеет отраду и спасение. Многострадальный Иов был непорочный, богобоязненный, справедливый, и уклонялся от зла. Он был богат, у него было семь сыновей, три дочери. И вот однажды пришли к нему сыны Божии, а среди них и дьявол. Господь спросил его: "Откуда ты пришел?" Он ответил: "Я обошел землю". "А видел ли ты праведного Иова?" "Видел. Но что же ему не быть праведным, когда Ты огородил его таким благополучием. Вот лишу его, благословит ли он Тебя?" Господь сказал: "Все, что у него, отдаю тебе". И Иов лишился всего — и сыновей, и дочерей, и всего богатства. И снова пришли сыны Божии к Господу, и среди них снова дьявол. Господь спрашивает: "Ну что, откуда ты пришел?" "Я, — говорит, — землю обо-

шел". "А видел ли ты праведного Иова?" "Видел". "Ну что он?" "Кожу за кожу, а за жизнь свою все отдаст. Возьми у него жизнь, он проклянет Тебя". Господь сказал: "Дам тебе его. Только душу его не отдам". И вот Иов был поражен. Поражен был проказой, опорошен до темени. А прокаженных в то время выносили за город, и там на гноище они оставались. И задумался Иов, и восскорбел он всей душою. Что же с ним произошло? Он ведь боялся Бога, боялся греха, и вот вдруг с ним такое случилось несчастье. А в это время приходит жена его. Она лишилась крова, детей, страдает, а тут еще муж, на глазах червями уедаемый. Каково ей смотреть? Хоть бы муж-то умер. Она ему и говорит: "Похули Бога и умри". Она сказала так потому, что Иов только Богом и жил, и полагала, что если она оторвет его от Бога, ему будет не на чем стоять и он умрет. Иов же ответил ей: "Ты говоришь как одна из безумных. Благая приемлем, — говорит, — а злая не стерплю ли?" И остался непоколебим в своей вере и преданности Богу. Пришли три друга Иова, чтобы утешить его, и его не узнали, а когда узнали — возрыдали, разорвали одежду, посыпали пеплом главу, сели около него и семь дней сидели все молча. Сидели, страдали и думали: что же случилось? Наконец, один из друзей сказал Иову: "Как же это так — ты укреплял слабых, утешал страждущих, помогал, а сейчас тебя постигли такие бедствия? Разве Бог карает праведников?" И взывает к нему, чтобы он признался в грехе и не отверг бы от себя испытания. Жена отошла, друзья отошли, он — со сво-

ей совестью, один. Только Бог, Бог, Который его оставил...

Каждый из вас был у постели умирающего. Когда человек — смертельно больной, мы мало что понимаем. Мы мало понимаем то, что в это время человек уже уходит в иной мир, он уже тот и не тот, он смотрит теми же глазами и в то же время эти глаза уже не те. Он видит людей близких своих не так, как видел всегда, они уже не те, они иные. Потому что он сам иной, он находится на грани между этой и иной жизнью. Ночью ли, на рассвете ли, днем ли он остается один на один с Богом, и в это время его испытывает Господь. Испытывает Господь — не то чтобы Он хочет испытать, нет, но такая Премудрость Божия, ведь и Сам Спаситель в Гефсимании, вы знаете, молился, и на Кресте: "Почему Ты оставил Меня, Отче?" Ведь были у Спасителя такие мгновения, когда Он в человечестве Своем был оставлен всеми. Вы знаете, что апостол Петр даже бежал. Мы все идем крестным путем, мы все за Христом идем. Сознаем мы это или не сознаем, но для всех путь один. Так вот, когда мы идем уже ко Христу, то бывают такие моменты, когда, кажется, и Христос как бы оставляет нас. Это тяжкие минуты. Близкие — они часто не понимают; они около умирающего, но говорят своим обычным языком, не понимают того, что этот момент — священная минута. Перед человеком открывается иной мир, он уже не тот. Его надо окружить любовью, тишиной, в эту минуту нужно забыть о себе, как бы слиться с ним. Ах, дорогие мои, как мы бываем жестоки! Как мы

бываем бесчувственны, когда перед нами лежит страдалец!

Так вот, дорогие мои, талант, дар Божий, вот в том человеке, который имеет безнадежные болезни, в которых он не повинен. В этих болезнях он только к Богу обращается и от Него не отрывается. Он не возбуждается, он не раздражается, он не ищет виновников своего тяжелого положения. А вы знаете, это редко бывает. Он всех покрывает любовью, он всем все прощает, он весь, весь как бы уходит в Господа. И вы знаете, что я вам скажу? Этими людьми гнев Божий отводится от нас. Они предстательствуют перед Господом за нас. За ними, когда они умрут, пойдет, может быть, несколько человек. На могиле их поставят, может быть, крестик. Кто знает?

Но бывает и страшнее. А страшнее бывает, когда стоящий около него думает, скоро ли он умрет? Умрет — будет легче жить, будет жилая площадь больше. Так вот эти-то страдальцы — самое драгоценное, это украшение, это то же самое, что звезды, которые блещут на темном небе, так и эти люди в земном море человеческой жизни. Но никто их не знает, никто о них не думает, и вот в этом и есть наше несчастье. Около них нам нужно было бы останавливаться, к ним нужно было бы прислушиваться, от них нужно питать свою душу, а там, где пиршество, где довольство, где люди живут беззаботно и кости их полны жира, там делать нечего. Если бы только были весы! Весы... У нас есть весы, но у нас все порочное. И весы-то порочные. Мы что-то взвешиваем. Я имею в виду

духовные весы. У нас показывают весы одно, а на самом деле — другое. Так вот если бы на одну чашу весов положить все то, что люди так возносят, о чем люди так шумят, все их дела, а на другую чашу положить тихие страдания людей, то человеческие весы, конечно, эти самые мелкие страдания — они их и не заметят. А между тем, на настоящих весах, на весах Правды Божией вот эти слезы, воздыхания людей, вот эти страдания, безвинные страдания — они весят столько, что перед ними все те большие дела, которыми люди занимаются, — ничто. Часто говорят: "Как же, умрет человек — от него останутся дела, они его прославят". Да, слов нет, труд — священное дело, и работать надо. Нужно это общее дело, и оно нас объединяет, оно созидает нашу внешнюю жизнь. Но, дорогие мои, когда человек уже приближается к концу, то между ним и делами его проходит раздел. Он все дальше, дальше уходит, а дела идут вперед. Он изобрел машину, а эта машина его уже старой стала, изобрели новую. Он построил дом, а этот дом уже разрушают, строят новый. И о человеке вспоминают, что он нужен, но он-то видит, что все он отдал, чтобы все это строить и созидать. Проходит жизнь, он остается один на один со своей душой, и вот тогда он только и поймет, что все дела, все труды священны, но они священны тогда, когда они вписываются в вечную жизнь, когда они под покровом Божьим, когда они связаны с любовью, с самоотверженным служением друг другу и устремлены к вечности. Вот тогда только и можно дышать, а без этого — без этого мы тяжко дышим.

Мы мечемся, мы обижаем друг друга, толкаем друг друга. И почти не понимаем...

Так вот, дорогие мои, не на пиршество нас Господь призвал. Господь призвал нас к святым трудам. Господь призвал нас к тому, чтобы мы были покрепче связаны друг с другом, особенно тогда, когда скорби, страдания кого-нибудь из нас подавляют. О них думать, к ним стремиться. Вы что думаете, Бог поругаем бывает? Нет, Бог поругаем не бывает. Но если прожить жизнь, и заткнуть уши, и не смотреть туда, где стон страдальца, то, дорогие мои, тяжело подумать о конце жизни каждого из нас. Да хранит вас всех Господь.

Спасибо.

И еще одно слово о страдании

В прошлую среду я высказал основные мысли о страданиях и страдальцах. Первая заключается в том, что когда человек умирает, он иными глазами смотрит на тех, кого оставляет. И для него люди те — и в то же время не те, мир тот же — и другой. Вторая же мысль заключается в том, что страдальцы являются как бы магнитом, оттягивающим зло, которое душит человечество. Вот последнюю мысль, мне кажется, что я не совсем ясно вам высказал. В сегодняшний день мне хочется на ней остановиться.

В самом деле, подумайте: человек здоровый, сильный живет в веселии и забот не знает. А рядом — человек больной, страдающий. Ему не до веселья, ему — как бы только донести свой крест

до конца. Где же здесь смысл? Я думаю, что вы согласны со мной в том, что в пределах земного мышления смысла здесь найти невозможно. Надо преодолеть притяжение земли, и тогда только это может стать понятным.

Вы знаете, когда человек больной или безнадежно больной, — он каким-то робким становится. Он и ходит-то не так, как все или как он когда-то ходил. Он боится отяготить людей.

Где же здесь смысл? Человек страдает, а вместе с тем как будто чем-то он и погрешил перед людьми, и боится, как бы их не обеспокоить. Это очень тяжелое сознание.

Я думаю, что каждый из вас мог наблюдать, как вдруг съеживается человек, и делается робким, и всякий его может обидеть. А рядом — здоровый, сильный, он думает только о себе и о том, чтобы в радости земной жить.

Но страдание бывает различное. Не все страдающие ткут нам вечную жизнь. Есть страдающие люди, которые страдают и рвутся вырваться из страданий, чтобы отомстить, чтобы злом ответить на зло. Бывает такое страдание.

А о другом страдании очень хорошо сказано в акафисте преподобному Серафиму: "... За обидящих тя Господеви моляся". Преподобного Серафима избили разбойники до полусмерти, и он молился о них. Вот другое страдание. Оно спасает нас от гнева, любовью покрывает всякое зло.

Я был очевидцем одного случая, который мне запомнился очень глубоко, хотя это и было давно. Мне пришлось быть у умирающего ксендза, като-

лического священника. Даже запомнил его фамилию — Каплуновский. Умирал он в тяжелых условиях. Я видел его, был около него. И умирая, он проклинал Россию, он проклинал русских людей...

Вспоминается мне и другой случай. У одной старушки — мне пришлось с ней беседовать — рука отнялась. И вот она ее поглаживает и говорит: "Рученька ты моя, рученька. Сколько ты работала! Сколько трудилась! Ты ни дня, ни ночи покоя не знала. Что ж ты теперь такая у меня стала? Рученька моя, рученька!" Ах, дорогие мои, бывают такие переживания, которые все внутри перевертывают. Трудилась эта старушка в своей семье. Ее не любили, ее не жалели. Она не знала ни днем, ни ночью покоя. И вот не может она больше трудиться. "Рученька моя, рученька!" Вот вам еще одно страдание. Это страдание — святое страдание. И чем больше его в жизни, тем больше смилостивится над нами Господь, тем больше Его к нам благоволение.

Много ли или мало таких страданий святых? Если бы мы имели чистые очи, то знали бы о многих таких страданиях. Но очи наши затуманены грехом, и поэтому мы мало что видим.

Страдания, спасающие род человеческий, — это святые страдания. О них никто не знает, никто не слышит. Их даже стараются поскорее забыть, забыть об этих людях. Они-то и предстательствуют о нас пред Богом незримо, они являются нашими ангелами-хранителями.

Вот семья. В семье живут мать, дети, ну хорошо, если еще отец, муж, на что-то похож. Ну и

мать, дети... Надо их накормить, надо напоить. Надо проводить их на работу. Надо встретить. А они придут — и доброго слова не скажут. И мать молчит, ничего не говорит. Они грубость ей скажут — она снова молчит. Она заболеет — ее не пожалеют. Так она и живет. А дети, да и отец, да и муж — ох уж эти мужья! — все думают: вот так как будто и надо. И того-то они не понимают, что мать, которая в своем сердце топит страдания всей семьи, — она является ангелом-хранителем для нее. Она, как духовный обруч, — связывает. Если этот обруч снять, то бочки нет — она вся рассыпается. И семья рассыпается, когда мать умирает. И вот только тогда семья начинает подумывать, что же они имели в матери. Была мать — была семья. Не стало матери — и нет семьи.

А кто знал, что она на себе несет? Дети могли и важные посты занимать. А она — ничего она не знала. Ночь, полночь, — а ей нужно приготовить, нужно всех успокоить. Пришел сын пьяный — ну что делать! Оплакала его. Пришел муж пьяный — ну что делать? Надо понести и это. И вот мать является тем страдальцем, который спасает семью. Как только она уходит, семья погибает.

Так что же нужно делать? Как же жить-то нужно? Нужно, чтобы каждый член семьи вносил в жизнь не только что-то материальное, не только то, что он заработал, а прежде всего вносил бы нравственный, духовный вклад. Вот если бы дети вносили этот вклад, эта старушка была бы радостная, и жизнь ее была бы здесь, на земле еще, приуготована к жизни ангельской.

Но, к сожалению, мы не так живем. К сожалению, каждый из нас думает больше всего о себе самом. Что же может быть в семье? Что же может быть с соседями? Что же может быть с обществом? Что может быть с государством? Что же может быть в жизни человечества? Ведь жизнь-то человечества слагается из чего? Из жизней каждого в отдельности. Ведь если каждый в отдельности не будет действительно человеком, Божиим созданием, то как нас ни сажай, как нас ни называй, все равно, кроме отравы, мы ничего вносить в жизнь не будем.

А Господь нас призвал-то как великое украшение, лучшее украшение жизни. Ну какое же мы украшение? Мы же — горе. Мы же жестокие, безрассудные люди. Вы послушайте только, как стонет природа от нас. Вы никогда не слушали? Послушайте. Вы знаете, что подсчитано, сколько слонов на земле, подсчитано, сколько тигров, сколько львов. Подсчитано, сколько шакалов, сколько волков и, вероятно, даже подсчитано, сколько зайцев. А, может быть, — и мышей! Все подсчитано. С вертолета все учтено, и человек решает, когда кого нужно отловить, когда нужно убить, когда и что нужно...

А что делается в наших исследовательских институтах? Знаем ли мы это? Нет. А там — сплошной грех. Хотя этот грех-то прикрывается тем, что он во имя человека, но чем бы ни был прикрыт грех, он всегда остается грехом. И стон этих несчастных животных, мучения, которые они переживают, — и это опять-таки "ради человека". Все — "ради че-

ловека". Всякий ужас, всякое злодеяние — все "ради человека".

Так вот, дорогие мои, когда все это возьмешь во ум, когда слышишь этот стон старушки: "Рученька моя, рученька!", когда видишь бесприютную собаку, когда во дворе к тебе бездомная кошка бежит и жмется к твоему сапогу, — когда прислушаешься к этому в тишине, в молитвенной тишине, то страшно становится в жизни.

Мне, дорогие мои, приходится часто вам говорить не то, что вы слышите обычно. Но ведь я христианин. Не для того я поставлен здесь, чтобы говорить вам то, что вы можете слышать и на улице. Я поставлен для того, чтобы говорить по совести своей, говорить то, что Бог вразумляет меня, недостойного, сказать вам.

Я сознаю, что я делаю, и я сознаю, что это необходимо, как воздух, чтобы отдушина была, которая освежала бы воздух нашей жизни. Вот этой отдушиной должна быть святая Церковь. Но, к сожалению, мы оглохли, и неспособны слышать — ничего.

Почему я так говорю? Я говорю потому, что это мне внушает моя вера, православная христианская вера. Она — бесконечна. И вера — она заложена в природе нашей души.

Я не могу не верить. Я не могу не говорить о Боге, о творце. Почему? Не потому, что меня кто-то этому научил, — нет. Я должен вам сказать, что когда я был мальчишкой и учился в реальном училище, я не очень любил церковь. Не очень по душе мне было там. А вот Господь привел всю жизнь

отдать Церкви. Почему? Потому что душа искала, бегала, металась. Где? Что? Где же правда? А я имел возможность ее наблюдать везде.

Не было ни одних дверей в Москве в двадцатых годах, которые, скажем, были закрыты для меня. Они все были открыты. Самых высоких людей — мыслителей, писателей — я видел, слушал, приглядывался к ним. Но нет, не то. Вера меня тянула, тянула она — к Богу.

Мне говорят теперь, что вера — это предрассудки, наука — вот что определяет жизнь. Ну, хорошо. Если она для кого-то определяет — пусть и определяет. Но для меня она не может ничего определять. "Почему же для тебя не может определять?" Да потому, что наука — это следствие нашей мыслительной способности. А мыслительная способность — только частица и, может быть, небольшая частица всего нашего естества. И я не хочу следовать за своим умом, ибо он — короткий. Если я за ним пойду, он меня заведет не туда, куда нужно. И если кто хочет идти туда, то обычно заводит он совсем не туда, куда хотелось бы. И чтоб вспомнить это, нужна все-таки какая-то правда. И эта правда тогда изобретается. И вера изобретается. Вера и правда. Это совсем не Божественная правда. Эта не та правда, которой может дышать человек. И вот поэтому, дорогие мои, и нужно блюсти в себе такую способность, чтобы наше внутреннее ухо способно было воспринимать жизнь вселенной и чувствовать в ней дыхание Божие. А это можно только тогда, когда наша жизнь — вся — отдается на служение Богу, слу-

жение в том месте, на котором каждого из нас Господь поставил.

Да хранит вас всех Господь!

Слово о страдании детей

Вот, дорогие мои, праздник Божьей Матери, Ее иконы "Утоли мои печали".

А сейчас кое-что я попытаюсь вам высказать. Как я уже сказал в тот раз, сын меня спросил: "Ну хорошо, когда взрослые страдают, тогда ты, отец, объяснил, что в этих страданиях они сближаются с Богом. Они очищают свою совесть, и для них эти страдания спасительны. И призвал нас, живущих, постараться понять, какую священную минуту переживают те, кто умирает. Ну а что ты можешь сказать, когда видишь безвинных страдающих младенцев? И неизлечимо страдающих? Какие они грехи-то совершили? Они Бога-то не знали, они жизни-то не знали, знали лишь одни свои страдания. Я, — говорит сын, — видел людей, пораженных тяжелой болезнью — волчанкой. Я смотрел на них, и сердце мое содрогалось. Они безропотно давали кровь, и большими дозами, они уколы с радостью принимали и даже огорчались, когда долго к ним не приходили. Им казалось, что чем больше у них возьмут крови, тем скорее они выздоровеют. Они не знали того, что не столько их лечат, сколько на них учатся, чтобы лечить других. Ну скажи, отец, где же Бог? За что же они страдают?" Вопрос тяжелый, но вопрос неотступный для каждого из нас. Я говорю сыну: "Вот что,

сын, разговор о Боге мы пока оставим. Поговорим о другом. Когда ты видишь страдальца, ужасаться не стоит. И излишне страшить других тоже не надо, ибо это плохая помощь для ребенка. Ну что толку: ужаснемся, потом пройдем мимо и забудем? Нам это свойственно: ужасаемся, волнуемся, браним кого не надо, а потом сразу разворот жизненный — и следа нет. А ты лучше скажи мне, сын мой, что мы можем сделать для ребенка, который так страдает? Ну положим, что ничего нет, но все-таки же страдает ребенок, как ему помочь? Помочь ему тем, "что вскоре ты умрешь"? Или: "какое несчастье, что вот такой родился ребенок! Ну ладно, у нас родится другой, а этот? Как-нибудь". Как это — как-нибудь? Ведь этот же родился ребенок, он не сам по себе родил себя. Как же так можно?! Этот — как-нибудь, а второй ребенок будет, видно, хороший, здоровый? Нет, так нельзя. Ребенок страдает. А остановиться около него? Ни с места. Но завтра ты ведь так же можешь страдать. И мимо тебя пройдут. И никому ты не будешь нужен. Останься. Сраствorись страданию ребенка. Забудь себя. Люби его. Мучайся вместе с ним, так чтобы он через твою любовь почувствовал Бога. Тогда он, слепой, будет видеть, глухой — будет слышать, недвижный — будет двигаться. Только люби его, не отходи от него, не оставляй ни на минуту. И когда ты увидишь на лице ребенка улыбку светлую, святую улыбку, то радуйся и веселися. Тебя Бог призвал к большему подвигу и к радости, нежели тех, кто высадился на Луне. Я не преувеличиваю. Да если бы мы все старались

вызвать улыбку у страдающих и поставили бы главной задачей своей жизни улыбки вызывать у страдальцев! Оставьте все свои важные и великие дела, всё оставьте и вызывайте у страдальцев улыбки! Вот есть основная задача в жизни! Всех людей. А они летают на Луну. Чего вы на Луне достигнете? С чем вы туда явитесь? Если бы мы научились вызывать улыбки у младенцев, то мы бы приехали туда и спросили: "Где тут у вас страдальцы?" "А что?" Если есть, то мы кинемся к ним с сострадающей любовью". А так что мы полетим туда? Что нам там скажут? С чем вы к нам прилетели? С термоядерной бомбой? С тем, что вы ненавидите друг друга? С тем, что вас гордыня поработила? Отправляйтесь на свою Землю и доживайте там свою жизнь.

Вызывать у страдальцев улыбку — вот наше призвание, наш долг, самое дорогое, самое важное дело жизни. А куда ни посмотришь, везде видишь что-то странное и непонятное, непонятное разуму. Мне кажется, что это какая-то ужасная чепуха.

Вот мы вызвали улыбку у младенца, и мы радуемся вместе с ним, он нас признал. Он лежит в гипсе, у него позвоночник переломан, потому что от волчанки кости такие слабые, они поломались, и его положили в гипс. Он лежит, а сейчас он улыбнулся, — какая радость! Это Пасха для нас! И мы благодарим Бога за это. Вот так будем его утешать. А мальчик спросит: "А что вы будете со мной дальше делать? Вы уйдете? Уйдете, а я что?" Что вы ему скажете? А ничего, ты умрешь, и тебя закопа-

ют, и все? Мы же ему сказать это не можем. А как же тогда что-то делать? Вот он у нас страдает, бедняга, а мы что? Стоим около него и думаем — скоро же он умрет. Вы знаете, какая-то ужасная ложь во всем этом есть! Нестерпимая ложь! От одной этой лжи можно задохнуться. Ждать смерти ребенка! Нет, мы так не будем. Мы будем по-другому. Твои страдания — это мои страдания. Это наши общие страдания. Это страдания всего мира. Я знаю, что тебе тяжко. Я знаю, что ты ничего не понимаешь. Тебе вечностью кажется каждая минута, ну ничего, ну подожди, ну покрепись. А ты знаешь, что жизнь бесконечна? Ты знаешь, что есть вечность? Что Бог есть. Улыбнись, мальчик. Ты знаешь, что твои страдания — страдания общие? И знаешь ли ты, что в страданиях спасается мир? Что страдания объединяют нас и открывают смысл жизни? А этот смысл заключается в том, что наше общее дело, общее для всех, — спасение всех. Мы друг с другом связаны воедино, мы неразрывны, мы отпускать друг друга ни на шаг не можем, у нас у всех одно призвание, и вся наша жизнь — как священнодействие. Не базар, не беготня по магазинам, не стадионы, — а священнодействие.

Приклоните ухо друг к другу, послушайте, как сердце страдает у каждого. Сегодня нет — завтра будет страдать, завтра нет — послезавтра будет страдать. А что — тяжко страдает? Тяжко! Но, крошка, крепись! Еще одно мгновение, ну еще одно мгновение, и все пройдет, и ты уйдешь в недра Господа, и там твое имя, священное имя твое —

оно там раскроется в радости. И в славе Божией. Вот что надо сказать.

Ах, дорогие мои, так трудно сказать об этом! Вы знаете, когда пытаешься высказать то, что на сердце, высказать то, что откуда-то из самых глубин исходит, выражения, слова — очень бедные, и мало убедительные. Но ведь слова-то личность не отражают. Очень мало того, что можно было бы отразить. Но ведь чувства-то наши, разум, душа наша, все наше естество, — куда все это устремлено? Устремлено к жизни, а не к смерти. И когда мы думаем: "Ты, мальчик, умрешь, мы тебя похороним", то мы в это время совершаем предательство по отношению к ребенку. Мы в это время совершаем предательство по отношению друг к другу и предательство по отношению к самим себе. "Нет, крошка. Еще мгновение одно — и ты будешь в недрах Божьих. И там ты будешь нас ждать. Как я жалею, что раньше тебя не ушел туда. Я так тебя люблю, и я вижу твои страдания. Ты маленький, у тебя чистое сердце, и ты меня там от моих грехов — ну что ли защитишь". Вот как надо. Нет, мы со смертью дружить не будем. Христианина это не достойно. Это самое постыдное. Не смерть торжествует, а торжествует жизнь. Жизнь во Христе.

Сын спрашивает меня: "Ну как же! Ты говоришь, что это жертва, искупительная жертва. Как же это так? Что же, Бог такую жертву принимает, и требует такую жертву?" "Бог никакой жертвы не требует, сынок мой. Она Ему не нужна. Она нужна нам самим. Потому что мы от Бога отдали-

лись в своей греховной жизни, и нам нужно преодолеть, очистить ту шелуху, которая на нас. Вот кому это нужно. А Богу это не нужно совсем. Он в любви нас создал. А нам такое испытание предстоит потому, что мы ведь сами вызвали его на себя. И чем больше невинных страдальцев взывают от земли, тем больше милость Божия изливается на нас". Сын говорит: "Отец, все то, что ты говоришь, меня взволновало. Но это непостижимо для моего ума". "Что делать, дорогой мой! Правду Божию нельзя сделать приятной для улицы. Правду Божию нельзя оземлить. Толпа плохо воспринимает ее. Она мало способна ее воспринимать". "Но что же делать?" "Исправить здесь ничего нельзя. Мы оглохли от страстей греховных. Они нас приглушили. Они создали для нас такой низкий потолок в жизни, что мы просто ходим скрючившись, а сами этого не понимаем. Мы как будто бодро ходим, а на самом деле мы скрючившись ходим. Вот нужно, чтобы толпа перестала быть толпой, а это возможно тогда, когда каждый обретет свое имя, священное имя, данное ему Богом. Не толпа, а люди, дышащие в Боге. Вот когда они свои имена найдут, тогда им откроется и путь познания Божественной Правды. Тогда и непостижимое станет постижимым. Тогда не будем мы с вами содрогаться от ужаса, стоя у кроватки страдающего младенца, а будем спешить, как бы нам впереди него встать. И там принять его на свои родительские руки.

Друзья мои, вы знаете, мы все — родители друг другу. Не только те родители, которые родили мла-

денца больного и говорят: "Ну ладно, это такой, а вот второй будет хороший". Мы все — родители друг другу. И наша святая обязанность всегда идти к страдающим, для того чтобы их трудный путь смягчить. Да хранит вас всех Господь.

Спасибо.

Архиепископ Нафанаил (Львов, 1906–1985)

ЧТО ЕСТЬ СЧАСТЬЕ

Люди, поздравляя друг друга с Новым годом, да и в других случаях, желают друг другу счастья. Но что такое счастье? Как определить его?

Представление о счастье обычного цивилизованного человека очень далеко ушло от примитивного представления готтентотов: счастье — это когда я захвачу побольше имущества моего ближнего, а несчастье — это когда мое имущество кто-нибудь у меня похитит.

Между тем, даже если оставить в стороне моральную сторону такого представления, оно в корне неверно и по существу: сколько бы ни захватили мы имущества, власти, славы, наслаждений — счастливы мы не будем. Материальные предметы не могут принести подлинного счастья, а лишь пресыщение taedium vitae, после которого человека одолевает тоска, еще большая прежней.

Интересно отметить, что слово "счастье" — "тихи", очень редко встречается в священном Писании, в Новом Завете — ни разу. Это слово слишком произвольное, не точное, само по себе ничего не значащее. Вместо него Святое Писание употребляет другое слово, более ясное, конкретное, указывающее на содержание счастья, слово "радость" — "хара".

О радости говорит Христос: "Моя радость в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна", — указывая и на источник этой радости: "Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви" (Ин. 15:1 — 11).

Вот оно, разрешение векового вопроса. Вот оно, истинное счастье, истинная радость — в любви Божией, в пребывании с Ним.

Это совершенно ясно подтверждает и святой апостол Павел, говоря: "Царство Божие — не пища и питие, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе" (Рим. 16:22).

"И радости этой никто не отнимет" (Ин. 16:22), никто и ничто: ни муки, ни лишения, ни изгнание, ни самая смерть.

Это хорошо знали и знают только люди, своей жизнью показывающие, что они разрешили вековечный вопрос человечества и нашедшие счастье, — христианские праведники, Божии угодники древних и новых времен.

Их пример является загадкой для прочих людей.

Почему эти люди так радостны? — вопрос, который задавали не только древние римские язычники о современных им христианах. Этот вопрос, в той или другой форме, звучит и ныне, из уст новых язычников, наших современников, в значительной свое части формально еще именующихся христианами.

Очень распространен ответ на этот вопрос, внушаемый нам различными сентиментально-романическими западноевропейскими представлени-

ями, что-де древний мир ничего не знал о жизни за гробом, потому люди боялись смерти, а христиане принесли благую весть о том, что за гробом существует жизнь, что Христос всех искупил, всех простил, всем обещал воскресение, вечную жизнь и райское блаженство.

Ответ этот в той или другой форме очень распространен, но он совершенно не точен.

Дело в том, что Христос совсем не обещал райского блаженства. Очень часто из уст Христовых звучит страшное предостережение: "будет плач и скрежет зубов" (Мф. 24:51), "идите от Меня проклятии в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его" (Мф. 25:41), "пойдут сии в муку вечную" (Мф. 25:46).

Больше того, апостол Петр, говоря о страшной опасности вечной муки, нависшей над нами, напоминает, если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный, где явится (1 Пет. 4:18).

Среди либерально настроенных христиан очень распространено идущее из протестантских кругов мнение о том, что мрачное представление о загробной участи и трудности дела спасения — есть продукт позднейшего времени "мрачных безрадостных аскетов-иноков", а что в древние первохристианские времена царило "светлое настроение, сознание своей спасенности самым фактом веры во Христа".

Думающие так, создают себе собственное христианство, не имеющее оснований и подтверждений ни в Евангелии, ни в посланиях апостольских, ни в свидетельствах древнехристианской истории.

Прочтите первохристианскую книгу "Пастырь" Ермы, писателя 1-го века, вы увидите, как требовательны были первые христиане к себе и к другим в вопросе спасения души, как ясно представляли они, что малейший намек на нравственную нечистоту ставит человека перед опасностью вечной гибели. Пафосом страшных слов церковного песнопения — "безмерна есть блудно-живущим мука" — напоена эта книга.

Еще ярче это сознавалось в отношении чистоты веры и верности Церкви.

Таким образом, христианское мировоззрение может показаться гораздо менее светлым, чем даже языческое мировоззрение. Тут загробное "царство теней", ведущих какой-то смутный образ жизни, о котором в конце концов можно создавать при желании самые разнообразные представления. Есть даже "Елисейские поля" — царство блаженных, достижимое сравнительно легко. В крайнем случае, как самое мрачное, представление о небытии, о полном уничтожении после смерти. Но "я не страдал до моего появления на свет, следовательно, не буду страдать и после ухода из него", — говорит Сократ.

Сравните с этим страшную картину вечных мук, вечного ада, и вы увидите, что либеральный взгляд на причины радостности первых христиан в корне ошибочен.

И тем не менее радостность христианская и была, и есть.

Она ярко сияет с каждой строки житий мучеников, подвижников и тихо светится в жизни ино-

ков, в жизни христианских семейств. Собственно, только она одна заслуживает по-настоящему этого названия. И чем более духовен человек, тем ярче и совершеннее его радость. Эта радость, эта светлость мировоззрения не покидала первых христиан и среди мук, и у порога смерти.

В чем же разгадка ее?

Конечно, в вере. Но не в такой вере, какою ее понимают протестанты. Не в формальной, безжизненной, лишенной подвига вере (ведь и "бесы веруют и трепещут"), а в вере животворной, действенной, которая хранится в чистом сердце и согревается благодатью Божией, в вере, горящей любовью к Богу и укрепляющей надежду на Него.

Правильно сказал один современный церковный писатель: "Мало верить в Бога, надо еще и верить Богу".

"Сами себя и друг друга и весь живот [жизнь] наш Христу Богу предадим". Вот это полное, доверчивое, сыновнее предание себя в руки Божии, оно-то и открывало и открывает двери истинной радости, истинного счастья.

Если христианин доверяет Богу, то он готов все принять от руки Его: рай или ад, муки или блаженство, ибо знает, что Бог бесконечно добр. Когда Он наказывает нас, то ради нашей же пользы. Он настолько любит нас, что и небо и землю перевернет, чтобы спасти нас. Он не предаст нас ни для каких, хотя бы самых высших целей, а непременно спасет, если будет к тому хотя бы самая малейшая возможность.

"От гнева Божия можно бежать только к Божией милости", — учил блаженный Августин.

Верующему христианину не следует бояться смерти, как не боялись ее многие подвижники и мученики. И в такой безбоязненности не будет беспечности и небрежения к своему спасению, ибо страх Божий, который есть начало премудрости, освобождает его от животного страха.

При таком настроении радость и свет прочно водворяются в сердце христианина, мраку нет места: мир — необозримая вселенная, принадлежит моему Богу, ничего от самомалейшего до величайшего в этой вселенной не может совершиться без Его попущения, а Он любит меня безмерно. Еще здесь на земле, дает мне вступить в пределы Своего Царства — в Свою святую Церковь. Он никогда не изгонит меня из этого Царства, если только я не изменю Ему. Больше того, если я и паду, Он снова подымет меня, как только я опомнюсь и принесу слезу покаяния. Поэтому все дело моего спасения и спасения моих близких как и всех людей я вверяю в руки Божии.

Смерть не страшна: она побеждена Христом. Ад же и муки вечные уготованы лишь тем, кто сознательно и по собственной воле отвернулся от Бога, кто мрак греха предпочел свету Его любви.

Верующим же уготованы радость и вечное блаженство: "Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2:9).

Да даст же всем нам Всемилостивый Господь стяжать полное доверие к Нему. Господи, обнови нас, молящихся Тебе!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Формат 84 x 108/32. Печать офсетная.
Объем 6,72 п. л.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 2956.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

За всякой телесной отрадой следует страдание, а за всяким страданием ради Бога следует отрада. Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем Едином приобретает себе успокоение. Радость о Боге крепче здешней жизни, и кто нашел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою, и не будет там иного чувства, если действительно была эта радость.

О пользе страданий и лишений